

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
_____ А.В. Колмогорова
« _____ » _____ 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КЛАССИЧЕСКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-НАЧАЛА XX В. И
МЕДИАТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI В.**

Выпускник

Н.И. Анисимова

Научный руководитель

д-р филол. наук,
зав. каф. РЯиПЛ ИФИЯК СФУ
проф. А.В. Колмогорова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАФОРЫ.....	5
1.1. Метафора и концептуальная метафора.....	5
1.2. Изучение концептуальной метафоры в лингвистике	12
1.3. Корпусные исследования лексических коллокаций.....	18
1.3.1. Корпусная лингвистика.....	18
1.3.2. Corpus-based и corpus-driven исследования.....	21
1.3.3. Методы корпусных исследований лексических коллокаций слова. Коллострукционный анализ.....	24
1.4 Алгоритм исследования	28
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	31
ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СЕМЬЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX- НАЧАЛА XX В. И МЕДИАТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI В.....	32
2.1 Сферы-источники для концептуализации семьи в медиатекстах первой трети XXI в	32
2.2 Признаки концепта FAMILLE на основе метафорического моделирования (на материале медиатекстов).....	40
2.3 Метафоры семьи в классической французской литературе XIX-начала XX в.	45
2.4 Коллострукционный анализ лексемы <i>famille</i> (на материале корпуса классической литературы)	56
2.5 Признаки концепта FAMILLE на основе метафорического моделирования (на материале классической французской литературы).....	60
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	67
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	73
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Таблица коллокаций с номинациями метафор.....	77
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Таблица коллокаций лексемы <i>famille</i>.....	80

ВВЕДЕНИЕ

Метафоричность привлекает внимание ученых не случайно, ведь жизнь общества постоянно меняется, а язык, обслуживающий это общество, быстро реагирует на любые изменения. Общественные трансформации, как в зеркале, отражаются в языке.

Наша работа посвящена изучению концептуальных метафор, используемых в современных медиатекстах и в классической французской литературе для репрезентации концепта FAMILLE/СЕМЬЯ.

Актуальность выбранной темы определяется следующими факторами:

- 1) возможностью выявить особенности французского менталитета и место семьи в современном французском обществе;
- 2) сравнить существующие тенденции с предшествующими взглядами и видением, опираясь на языковые средства, тем самым описать эволюцию концепта FAMILLE/СЕМЬЯ;
- 3) непроработанностью в современной лингвистике проблематики метафорического образа семьи во французской лингвокультуре.

Объектом данного исследования является метафорическая концептуализация семьи в дискурсе французских массмедиа и во французском художественном дискурсе XIX–начала XX веков.

Предметом исследования служит метафорическая модель концепта FAMILLE/СЕМЬЯ, объективируемого в дискурсе французских массмедиа и во французском художественном дискурсе XIX–начала XX веков.

Цель данной работы – выявить и описать особенности метафорической концептуализации во французской лингвокультуре на материале массмедийного дискурса и художественной литературы.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- обобщить понимание понятий «метафора», «концепт», «концептуальная метафора» в современной лингвистике, рассмотреть их структуру, сферы и методики изучения;

- выявить основные сферы-источники метафорической концептуализации и основные признаки концепта СЕМЬЯ на материале медиатекстов;
- выявить основные сферы-источники метафорической концептуализации и основные признаки концепта СЕМЬЯ на материале художественного дискурса XIX–начала XX веков;
- соотнести полученные результаты с результатами исследования на материале корпуса классических французских произведений.

Методы исследования: контекстуальный анализ, метод когнитивного моделирования, элементы концептуального анализа, элементы качественно-количественного анализа, элементы корпусного анализа (платформа Sketch Engine).

Материалом исследования являются 100 статей из французских массмедиа, в которых актуализируется концепт FAMILLE/СЕМЬЯ, собранных путём сплошной выборки из первоначального исследовательского корпуса объемом 500 статей, а также корпус художественных произведений на французском языке, которые были написаны в период с XIX – начала XX вв. (романы «Отверженные», «Три мушкетёра», «Жизнь», «Монт-Ориоль», «Парижские тайны», «Тереза Ракен», «Мадам Бовари») общим объемом 8 689 страниц и 1 654 275 слова.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования можно использовать как вспомогательный материал в культурологических и социологических работах.

Методологической и теоретической базой работы являются различные исследования по проблематике концептуальной метафоры (А.П. Чудинов, Н.Д. Арутюнова, Э.В. Будаев, Е.В. Иванова) и концепта (В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова), а также работы зарубежных исследователей (S.Th. Gries, A. Stefanowitsch, G. Lakoff, M. Johnson).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАФОРЫ

1.1. Метафора и концептуальная метафора

Классическое понимание метафоры сложилось на базе риторики в античные времена. В рамках риторики метафора являлась эстетическим средством изобразительной речи, которое заключалось в переносе названия с одного предмета на другой на основании сходства.

На протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов; как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. К метафоре относились как к украшению, как к некоторому дополнительному механизму языка, но не как к его основной форме [Ричардс, 1990: 45].

Традиционная теория выделяла только несколько способов образования метафоры и ограничивала применение термина «метафора» также только некоторыми из возможных случаев. Поэтому она заставляла рассматривать метафору только как языковое средство, как результат замены слов или контекстных сдвигов, в то время как в основе метафоры лежит заимствование, взаимодействие идей и смена контекста. Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке [Там же: 47].

Было бы неверно думать, что изучение метафоры поддерживается только силой традиции. Метафора начала захватывать новые области знания – философию, логику, психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение. Интерес к метафоре способствовал взаимодействию названных направлений научной мысли, их идейного объединения, следствием которого стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания. В ее основе – предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие,

язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые определяют сущность человеческого разума [Арутюнова, 1990: 5].

В последние десятилетия центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии, в которой превалировали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа [Кульчицкая, 2012: 86].

Ученые обратили внимание на моделирующую роль метафоры: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. Так зародилась теория когнитивной метафоры. В результате исследований метафоры в нетрадиционной парадигме появились такие новые трактовки метафоры как:

1) формы мышления (А. Ричардс: метафора – результат взаимодействия мыслей; цель метафорического процесса определяет сознание, а смысл метафорического образа – слова и выражения) [Ричардс, 1990: 44];

2) механизма познания (Э. Маккормак: метафоры как компонента человеческого познания) [Маккормак, 1990: 363];

3) средства организации концептуальных структур, как форма, способная задавать определённые представления о мире, которая пронизывает всю нашу повседневную жизнь, наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути [Lakoff, Johnson, 2004: 176].

Теория концептуальной метафоры базируется на положении о том, что человеческое мышление в основе своей метафорично. При изучении метафоры в рамках когнитивного направления исследователи собирают

стилизованные метафорические выражения из словарей, тезаурусов публицистических материалов и т. д. Затем они анализируют эти примеры, группируя их в так называемые «концептуальные метафоры» [Любимова, 2007: 93].

Говоря о концептуальной метафоре, стоит подробнее остановиться на самом понятии концепта. Хотя характер концепта для современной лингвистики первостепенен, единого определения данного термина пока не существует, что можно объяснить наличием различных направлений и подходов в лингвистике. Различают лингвистический, культурологический и когнитивный подходы к пониманию концепта [Ларина, 2011: 8].

В нашей работе мы остановимся подробнее на лингвокультурологическом подходе. К представителям данного подхода можно отнести Ю.С. Степанова, Г.Г. Слышкина, В.И. Карасика и других лингвистов, придерживающихся мнения о том, что концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека. В задачи лингвокультурологии входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [Телия, 1996: 216; Маслова, 2001: 28].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт является «сгустком культуры» [Степанов, 1997: 21]. Исходя из того, что в основе культуры лежит оценочный принцип, можно сделать вывод, что ядром концепта является ценность. Значит, если мы можем сформулировать оценочное суждение о каком-то предмете, то это явление формирует феномен. Следовательно, ценностная характеристика – необходимое условие формирования концепта, наличие ценностной составляющей отличает концепт от других ментальных единиц [Маслова, 2001: 42; Стернин, 200: 14].

Совокупность концептов образует концептосферу нации. Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных

концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность [Степанов, 1997: 10; Степанов, 2007: 24].

В.И. Карасик описывает концепт как культурные первичные образования и отмечает, что концепты выражают объективные содержания слов и передаются в различные сферы жизни человека [Карасик, 2002: 29]. Он также приводит следующее определение концепта, которое описывает его структуру: «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [Карасик, 2004: 71]. Делая акцент на перцептивной стороне концепта, учёный также приводит следующие определения термина «концепт»: «переживаемая информация» [Там же: 128], «квант переживаемого знания» [Там же: 361], «фрагмент жизненного опыта человека» [Там же: 3].

В работах В.И. Карасика предполагается рассматривать культурный концепт как многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийная, образная и ценностная стороны. Понятийная сторона концепта представляет собой языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов. Образная сторона – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые характеристики предметов, явлений, событий, которые в том или ином виде отражены в нашем сознании. Ценностная сторона концепта свидетельствует о важности этого образования, как для индивидуума, так и для коллектива [Карасик, 2002: 154].

Таким образом, можно отметить, что концепт имеет сложную структуру, которая с одной стороны должна включать в себя содержание понятия, а с другой стороны передавать непонятийное значение, то есть ассоциации, личное отношение, коннотации [Маслова, 2001: 40].

Языковой знак представляет концепт в языке и в общении, однако, слово представляет концепт не полностью, а передаёт несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения, передача которых

является задачей говорящего и входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть. Тем не менее, именно при помощи слова человек может проникнуть в сознание [Вежбицкая, 1999: 293]. Однако рассматриваемый в данной работе концепт обладает коммуникативной релевантностью, а значит, закреплен в языке языковыми средствами.

При изучении концептов используется система исследовательских процедур, которые направлены на рассмотрение содержания и структуры концепта, его смыслового потенциала. Традиционно выделяют три основных источника, которые используются для исследования концептов: словарный материал, текстовый материал и экспериментальный материал. В нашей работе мы используем текстовый материал. Нужно также отметить, что мы придерживаемся понятия концепта по Карасику и описанной им структуры. Согласно данной структуре, в практической части исследования мы сделаем акцент на образной стороне концепта.

Теперь вернёмся к концептуальной метафоре и рассмотрим её особенности и различия от метафоры в классическом понимании. Согласно работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», метафора – это не просто явление языка, а мыслительный феномен, средство постижения мира человеком, при этом язык является не единственным, а лишь одним из способов существования метафоры. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека [Lakoff, Johnson, 2004: 208].

В рамках нашего исследования мы будем ориентироваться в основном на работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона и рассматривать метафору как средство организации концептуальных структур, поэтому рабочим определением концептуальной метафоры выбрано определение Лакоффа и Джонсона: «Концептуальная метафора – один из важнейших когнитивных механизмов, основанный на установлении связей между концептами

(концептуальными структурами), относящимися к разным областям знания (доменам)» [Lakoff, Johnson, 2004: 12].

Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff, 1993: 3]. Концептуальные метафоры строятся на так называемых проекциях – это фиксированные концептуальные соответствия между исходной и целевой понятийными областями [Fausconnier, 1997: 27].

Основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев.

Можно говорить о существовании двух подходов к понятию фрейма в когнитивной лингвистике: фрейм как структура знания и фрейм как структура представления знания. С одной стороны, фрейм рассматривается как часть когнитивной системы человека. В этом случае фрейм определяется как реальная когнитивная структура, «структурированный фрагмент знания мира на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Никитин, 2004: 53]. С другой стороны, фрейм является средством, инструментом представления когнитивной структуры, «когнитивной моделью, передающей знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев, 2004: 29].

Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом. Особую роль играет опыт непосредственного взаимодействия с материальным миром, отражающийся на языковом уровне, в частности, в виде онтологических метафор (метафоры по онтологии сущности) [Баранов, 2004: 9, Серебренников, 1988: 183].

Далее подробнее разберём процесс метафоризации. Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры

«источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping). Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора ОБЩЕСТВО (цель) – ЭТО СТАДО (источник) обращает внимание адресата на идею «пассивности», которая является частью когнитивной структуры (фрейма) «стада». Знания о мире говорят нам, что стадо животных управляется пастухом [Там же: 9].

Области источника и области цели неэквивалентны не только в смысле направления метафоризации. Область источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью, это «знание по знакомству». Сфера цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, скорее, «знание по определению» [Stefanowitsch, 2010: 5].

Данную идею также объясняет Анатолий Стефанович в своей работе:

«Концептуальная теория метафоры рассматривает отдельные метафорические выражения, возникающие вследствие связей между источником (обычно конкретным) и целью (обычно абстрактной). Метафора рассматривается не как первично лингвистический феномен, а как психологический феномен, на основании которого наш физический опыт определяет то, как мы понимаем абстрактные вещи» [Stefanowitsch, 2004: 137].

В предисловии от редактора к книге Лакоффа и Джонсона, которое было написано А.Н. Барановым, последний определяет концептуальную метафору как устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языковой и культурной традиции общества. Упоминается, что «концептуальные метафоры могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня –

«когнитивные модели», которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии» [Баранов, 2004: 9].

Внимание когнитивной лингвистики обращено не на интерпретацию метафоры в её классическом понимании как слова или выражения, употребляемом в переносном значении, а на метафору как форму мышления, механизм познания, средство организации концептуальных структур. Концептуальная метафора – это форма, способная задавать определённые представления о мире, которая пронизывает всю нашу повседневную жизнь. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Сам концепт имеет сложную структуру, включающую само понятие, ассоциации, личное отношение, коннотации. Концепт – это основная единица культуры в ментальном мире человека.

1.2. Изучение концептуальной метафоры в лингвистике

Рост теоретического интереса к метафоре был стимулирован увеличением ее присутствия в различных видах текстов, начиная с поэтической речи и публицистики до языков разных отраслей научного знания. Естественно, что экспансия метафоры в разные виды дискурса не прошла незамеченной.

Дискурс – явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, с другой стороны. Это речемыслительный процесс, объективированный в некотором множестве текстов, связанных друг с другом общими когнитивными стратегиями порождения и понимания, имеющих согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащих для передачи и генерирования смысла, а также для декодирования других текстов [Карасик, 2000: 37].

Значительную область исследования метафоры составляет политический дискурс.

В первую очередь следует упомянуть североамериканские исследования политической метафоры, которые базируются на классическом варианте теории концептуальной метафоры, так как считается, что когнитивная теория зародилась именно в Америке.

Североамериканские исследователи выявляют «источники» и «мишени» актуализации метафорических осмыслений. Работа в данном направлении сосредоточена вокруг политического нарратива. Нарратив – совокупность политических текстов, тематически сконцентрированных вокруг определенного события. Осуществляется работа над изучением политических нарративов в определенном штате, над исследованием типичных прагматических смыслов политических метафор определенной сферы-источника и над сопоставительными исследованиями метафор в политическом нарративе. Предпринимаются попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействует на массовое сознание, побуждают к принятию определенных политических решений [Будаев, Чудинов, 2008: 90].

Многие исследователи стремятся выявить значение метафоры в развитии социальных процессов. Стоит отметить работу Р.Д. Андерсона, посвященную роли метафоры в процессах демократизации общества. Автор излагает дискурсивную теорию демократизации, в которой речь идет о том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. Андерсон делает вывод, что процесс демократизации наблюдается и в развитых странах, и в испытывающих экономические трудности странах. Смена политических метафор предшествует процессу демократизации, следовательно, метафоры обладают каузальной силой [Андерсон, 2008: 67].

Европейские исследователи политической метафоры в своих работах делают попытки пересмотра отдельных постулатов теории концептуальной метафоры и соединяют метод когнитивной лингвистики и метод дискурс-анализа. Примером синтеза когнитивной лингвистики и метода дискурс-анализа является работа П. Друлака. Его идеей было то, что дискурсивные структуры (включая метафорические) отражают социальные структуры. Опираясь на метафоры, используемые лидерами стран в дебатах об Европейском союзе, он выявил, что лидеры стран Европейского союза предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА (наделяют объединение чертами единого государства), а кандидаты на вступление – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ (предпочитают видеть союз как сбалансированное объединение государств) [Друлак, цит. по: Будаев, Чудинов: 92].

Немецкими лингвистами была разработана теория дискурсивного понимания метафоры (Й. Вальтер, Й. Хелмиг, Р. Хюльссе). Основатели теории считают метафору не только когнитивным феноменом, но и способом считая отражения имплицитных категоризационных структур общих для группы людей, что играет роль в «конструирование социальной реальности» [Будаев, Чудинов, 2008: 52] .

Сопоставительных анализ политических метафор получил распространение на фоне расширения Евросоюза. Посредством метафорического анализа осуществляются попытки выявить базовые ментальные представления, лежащие в основе категоризации политического мира. Общее для исследователей мнение заключается в том, что метафора в речи политика – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием [Там же: 60].

Характерной чертой российской политической лингвистики является стремление к сопоставлению метафорических моделей в политическом дискурсе различных государств, в то время как исследования американских ученых в основном направлены на политический дискурс США.

И в России, и в Соединенных Штатах весьма распространены метафоры, образно представляющие политическую жизнь как футбольный матч, в котором каждая из команд стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который лишь в некоторой степени напоминает игру, столь любимую в России, тогда как в нашей стране (а также в других европейских странах) сферой-источником служит совсем иная игра, следствием чего может оказаться взаимное недопонимание.

Сопоставление американского, российского и европейского варианта теории концептуальной метафоры позволяют обнаружить их несомненную зависимость от национальных традиций. Американцы склонны к классическому варианту теории концептуальной метафоры. Европейцы традиционно опираются на собственные школы дискурс-анализа и критического анализа дискурса, идущие от философских традиций европейской мысли. Российские исследователи объединяют зарубежные идеи с традициями российской (советской) лингвистики [Там же: 64].

Другой сферой применения методов метафорического моделирования является экологический дискурс и его доминанты.

В наши дни защита окружающей среды является одним из самых значимых элементов жизни современного сообщества, что отражено в коммуникативной деятельности социума.

Эколингвистика – это наука о способах взаимодействия между языками, человеком как языковой личностью и окружающей его средой [Иванова, 2007: 134].

В эколингвистике выделяются два направления: 1) «экологическая лингвистика» (по А. Хаугену), которая «отталкивается» от экологии и метафорически переносит на язык и языкознание экологические термины, принципы и методы исследования, изучается связь и воздействие языков друг на друга; 2) «языковая экология» (по М. Халлидею), которая

рассматривает выражение в языке экологических тем, опираясь на языкознание и его методы [Иванова, 2007: 33].

Целью эколингвистического исследования экологического дискурса является изучение роли языка в описании актуальных проблем окружающего мира, связи между языком и вопросами экологии, отражение в языке проблем взаимодействия человека с природой [Иванова, 2009: 67].

Анализ лексики конкретного естественного языка с привлечением эколингвистических критериев позволяет выявить образные представления носителей языка о явлениях окружающей действительности [Иванова, 2007: 34].

Ключевой темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды. В разные периоды истории экология концептуализировалась в рамках различных метафорических моделей: 1) в Средние века как написанная Богом книга, которую человек должен изучать, чтобы понять Бога; 2) в эпоху Возрождения как отражение человеческого тела; 3) начиная с эпохи Просвещения – как машина [Иванова, 2009: 67].

С помощью образов живых существ, войны и болезней медийный дискурс концептуализирует природные катаклизмы и бедствия, образы которых имеют различия в зависимости от типа катастрофы. Например, наводнение – это «война» или «борьба», а землетрясение – «монстр» либо «болезнь Земли». Номинативные модели данного дискурса были основаны на мифологической картине мира, где главенствовали антропоморфные (с исходными понятийными сферами анатомии и физиологии) и зооморфные образы, отражающие языческое отождествление природы и человека [Там же: 68].

Экономический дискурс наравне с политическим и экологическим играет роль объекта когнитивных исследований. Череда событий связанных с экономическим кризисом, повлекла за собой серьезные политические, социальные перемены. Распространенные обсуждения событий в СМИ отразились, таким образом, в появлении огромного множества метафор.

Разногласия между политическими силами или финансовыми организациями также метафорически осмысляются как различные виды войны [Чудинов, 2001: 161].

Обязанность какой-либо структуры или государства противостоять кризису метафорически номинируется как «миссия». В войне с экономическим кризисом участники используют «оружие», направленное на борьбу с противником – экономическим кризисом [Типиева, 2013: 162].

Фреймы и слоты (элементы ситуации, составляющие часть фрейма, аспект его конкретизации) метафорической модели «Экономический кризис – это война» имеют негативную коннотацию и порождают в сознании реципиентов мысли о жестокости и недоброжелательности. Война выступает актуальной сферой-источником осмысления экономического кризиса. Это происходит из-за влияния укоренившейся ментальности в ряде западных стран, где отношения в обществе носят преимущественно конкурентный характер, а также из-за наличия военного опыта у человечества, из-за частых военных конфликтов [Там же: 163].

Стоит упомянуть метафоры в рамках модели «экономика – это живой организм», в которой экономические реалии представляются как человеческое тело, где каждый орган обладает своей функцией и отвечает за общую жизнедеятельность, как особо частотные. В сравнении с экономикой, организм – это учреждение или деятель [Алямкина, 2010: 66].

Нередко метафора «организма» несет негативный смысл, подразумевая манипулирование процессами экономики. «Организм» может представляться «больным» – такая метафорическая модель отражает недовольство и безысходность народа страдающего от экономических перемен [Алямкина, 2010].

Метафора является важной составляющей экономического дискурса, продуктивным лингвистическим приемом для отражения реалий мира экономики, их оценки и формирования общественного мнения к тем

событиям и явлениям экономической действительности, историческим свидетелем которых становится сегодня каждый человек [Воякина, 2009: 39].

Суммируя теоретический материал можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует множество исследований, посвященных изучению функционирования метафор в различных видах дискурса, в том числе и экономическом, политическом, экологическом. Однако информации об исследованиях, выявляющих специфику метафорической репрезентации семьи во французской языковой картине мира посредством анализа концептуальных метафор, при поиске научной литературы обнаружено не было.

1.3. Корпусные исследования лексических коллокаций

1.3.1. Корпусная лингвистика

Современные лингвистические исследования в области синтаксиса и лексики все в большей степени базируются на методах, предполагающих обработку значительных по объему массивов данных и тем самым эффективно решающих проблему репрезентативности материала. В современных условиях подобный массив данных представляют так называемые электронные корпуса текстов. Использование этих корпусов формирует целое направление в лингвистике – корпусную лингвистику, которая разрабатывает общие принципы построения корпусов текстов с учетом современных компьютерных технологий и методику сбора письменных и устных текстов, а также способов их хранения и анализа [Кузнецова, Велейшикова, 2010: 118].

Работа с корпусами текстов помогает исследователям избежать субъективности и дает возможность автоматического поиска информации и сплошного анализа материала. Исследования, основанные на корпусах текстов, как правило, используют функциональный подход к семантике и сочетаемости языковых единиц. Для современной корпусной лингвистики

характерен интерес не только к новым технологиям, но и к новым теоретическим концепциям языка, соответствующим новым возможностям обработки данных [Познякова, Суворина].

Анатолий Стефанович предлагает следующее определение корпусной лингвистики: «Корпусная лингвистика – способ исследования языковых единиц посредством изучения их особенностей через частотность употребления в корпусе» [Stefanowitsc, 2011: 259].

Для сравнения приведем определение из учебника по корпусной лингвистике В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой: «Корпусная лингвистика – раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с применением компьютерных технологий» [Захаров, Богданова, 2013: 5].

Важно также рассмотреть определения корпуса.

МакЭнери и Вилсон дают следующее определение: «Корпус – это собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка» [McEnery, Wilson, 2004].

«Под лингвистическим, или языковым, корпусом текстов понимается большой, представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров, Богданова, 2013: 5].

«Корпус – репрезентативное собрание текстов, обычно в машиночитаемом формате, включающее информацию о ситуации, в которой текст был произведен, такую как информация о говорящем, авторе, адресате или аудитории» [Finegan, 2004: 24].

В приведенных определениях подчеркиваются основные черты современного корпуса текстов – цель, машиночитаемый формат, репрезентативность (достаточное и пропорциональное представление в

корпусе текстов различных периодов, жанров, стилей, авторов), наличие металингвистической информации.

Целесообразность создания и смысл использования корпусов определяется следующими предпосылками:

1) достаточно большой (репрезентативный) и сбалансированный объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений;

2) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что создает возможность их всестороннего и объективного изучения;

3) однажды созданный и подготовленный массив данных может использоваться многократно, различными исследователями и в различных целях [Захаров, Богданова, 2013: 6].

Поиск в корпусе позволяет по любому слову построить конкорданс – список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник. Корпусы могут использоваться для получения разнообразных справок и статистических данных о языковых и речевых единицах. В частности, на основе корпусов проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени. Представительный массив языковых данных за определенный период позволяет изучать динамику процессов изменения лексического состава языка, проводить анализ лексико-грамматических характеристик в разных жанрах и у разных авторов [Там же: 6].

Лингвисты-теоретики используют корпусы в качестве экспериментальной базы для проверки гипотез и доказательства своих теорий, опираясь на корпус как на «банк примеров». Корпусы не могут заменить процесс исследования, но помогают в плане предоставления обширного репрезентативного эмпирического материала.

Количественные исследования показывают сходства и различия между разными группами говорящих или между разными типами текстов. В дополнение к лингвистическому контексту корпус предоставляет

экстралингвистическую информацию, или метаинформацию, по таким факторам, как возраст или пол говорящего/пишущего, жанр текста, временная или пространственная информация о происхождении текста.

По мнению многих ученых, корпусная лингвистика – не отдельная парадигма лингвистики, а, скорее, ее методология. В подтверждение этой точки зрения можно привести рассуждения МакЭнери и Вилсона: «Является ли корпусная лингвистика ветвью лингвистики? На этот вопрос можно ответить как положительно, так и отрицательно. Корпусная лингвистика не является ветвью лингвистики в той же мере что и синтаксис, семантика и т.д. Все эти дисциплины сосредоточены на описании или объяснении некоторых аспектов языка, которые требуют объяснения. Корпусная лингвистика – это методология, которая может быть использована почти во всех областях лингвистики, но на самом деле отделена от неё» [McEnery, Wilson, 2004: 2].

1.3.2. Corpus-based и corpus-driven исследования

В современной науке существуют разные точки зрения относительно оценки функциональности и значимости корпусного исследования языка. Ряд исследователей признают за ним статус основной эмпирической лингвистической парадигмы, другие предпочитают пользоваться корпусом исключительно как источником примеров для иллюстрации положений своих теорий.

Если в исследовании, основанном на данных корпуса (corpus-based study), решается вопрос проверки валидности теории или гипотезы с использованием корпусных методов, то лингвист, который использует второй подход, всецело полагается на материал и стоит свою теорию на данных корпуса (corpus-driven study) [Stefanowitsch, 2006: 64; Newman, 2011: 549].

Можно сделать вывод, что в corpus-driven исследованиях практическая часть работы предшествует работе над теорией. Данное различие подчеркивает Анатолий Стефанович:

«По методологическим причинам, слово играет центральную роль в корпусной лингвистике: так как доступ к корпусу возможен посредством форм слова, corpus-based исследования обычно сосредоточено главным образом на слове, вокруг которого производятся исследования и строятся теории» [Stefanowitsc, 2004: 138].

Corpus-based исследования обычно используют корпусные данные чтобы подробнее рассмотреть теорию или гипотезу на базе имеющейся литературы и, как результат, подтвердить, опровергнуть или доработать исследование. Определение лингвистического корпуса как метода является основой для использования корпусных данных в лингвистике [McEneary, Hardi, 2012: 6].

Corpus-driven лингвистика отрицает то, что корпус является лишь методом, заявляя, что корпус сам по себе должен быть единственным источником гипотез. Таким образом, из этого утверждения следует, что корпус сам является теоретическим материалом [Там же: 6].

Дихотомия corpus-based /corpus-driven создает некую основу, двоичное разграничение, в рамках которого большинство работ по корпусной лингвистике можно разделить на две группы. Однако, наша собственная перспектива не стоит на статусе корпуса как собственно теоретического материала, наше исследование основано на corpus-based подходе.

Основная часть дискуссий, отражающих сомнения касательно использования корпусов в исследованиях, строится на заявлениях о неточности и возможных погрешностях при подсчетах количественных данных. Особенно когда на полученных результатах строятся теории, как в corpus-driven исследованиях.

Однако мы бы хотели подробнее остановиться на преимуществах работы с корпусами и подтвердить, что современное исследование языка не может быть проведено вне «лингвистики корпусов».

Во-первых, корпусные исследования языка отличаются большей представительностью данных, что предполагает и реально количественные, и статистические исследования.

Во-вторых, корпусные исследования – это все более и более удачные попытки из необозримого (например, устного дискурса) сделать обозримое (дискурс, представленный в размеченных текстах, который можно изучать).

Кроме того, корпусные технологии позволяют приступить к наблюдению за редкими языковыми явлениями и проследить динамику языковых изменений на малом временном отрезке. В корпусном исследовании языка находят отражение и получают интерпретацию как частотные явления, так и окказиональные.

Решение некоторых исследовательских задач предполагает обращение не к одному, а нескольким ресурсам. Сопоставляя и грамотно анализируя данные, полученные с помощью различных корпусов, возможно установление языковой вариативности и закономерностей языковых изменений, предсказание дальнейшего развития описываемого явления, а также осмысление таких употреблений, которые противоречат установившимся представлениям о языковой норме [Борискина, 2015: 26].

Дихотомия corpus-based /corpus-driven создает некую основу, двоичное разграничение, в рамках которого большинство работ по корпусной лингвистике можно разделить на две группы. Однако, наша собственная перспектива не стоит на corpus-based подходе.

1.3.3. Методы корпусных исследований лексических коллокаций слова. Коллострукционный анализ

Коллокации являются ключевыми концепциями корпусных исследований, однако данный термин по-разному трактуется авторами.

Термин «коллокация» впервые был употреблен У. Фаулером и интерпретирован на русский язык как «лексико-фразеологическая обусловленная сочетаемость слов в речи для реализации их полисемии» [Fowler, цит. по: Ахманова, 1966].

В широком смысле коллокация – это сочетание двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости [Павельева, 2016: 57].

Е.Г. Борисова признает коллокацией несвободное неидиоматическое словосочетание, в котором свободный компонент не меняет своего смысла, а смысл несвободного отличается от того, который реализуется в свободных словосочетаниях [Борисова, 1995].

Большинство определений коллокации строится на явлении семантикограмматической взаимообусловленности элементов словосочетания [Ягунова, Пивоварова, 2010].

Теперь подробнее остановимся на методах, применяемых для исследования коллокаций на базе корпусов:

- 1) составление конкорданса (concordancing),
- 2) подсчет абсолютной частотности (word frequency counts, wordlists),
- 3) анализ ключевых слов (key words analysis),
- 4) анализ кластеров (cluster analysis).

Под кластерами понимается систематическая тенденция языка образовывать сочетания из нескольких слов, которые субъективно воспринимаются как единое целое (англ. *I mean, a couple of, the end of, there was a, do you think, it would be*).

Использование базовых корпусных методов позволяет создавать лексико-грамматический профиль (lexico-grammatical profiles) слов, включающих:

a) типичный контекст употребления с точки зрения коллокантов/слов, встречающиеся со статистически значимой частотой в окружении изучаемого слова;

b) тенденцию слов к формированию речевых оборотов/идиом (idiom-prone), биноминальных конструкций (binominals), таких как *rough and ready, willing and able*;

c) возможные синтаксические ограничения: синтаксические модели/конструкции (syntactic patterns), фразовые глаголы, типичную позицию в придаточных предложениях (начальная, конечная), ограничения временные/аспектные;

d) семантические ограничения (слово применимо только по отношению к людям, никогда не сочетается с усилителями (intensifier);

e) просодические особенности: тенденция слова появляться в определенных контекстах [Горина, 2011: 30].

Лексико-грамматический профиль вырисовывается при изучении строк конкорданса, данных о частотности, и наличия данного слова в списке ключевых. Конкорданс – строки текстов корпуса заданной длины, предъявляющих изучаемое слово в употреблении, в контексте [Горина, 2011]. Строки конкорданса являются источником информации о закономерностях употребления изучаемого слова и взаимоотношений между словами. Важно обратить внимание на функцию расширенного контекста, поскольку, коллокации иногда разделены другими словами [Заячкова, 2014: 241].

Языковую информацию, получаемую на основе корпусных данных, можно рассматривать с разных точек зрения. Например, исследуя корпус газетных статей, мы можем сравнить частотность слова *blaze* и *fire*, т.е. получить количественные результаты – частотность. Эти результаты можно сравнить с частотностью этих слов в других корпусах. Результатом

сравнения может стать вывод о том, что слово *blaze* гораздо чаще встречается в газетных статьях, чем в разговорной речи в тех случаях, когда речь идет о разрушительных очагах огня. К этому результату мы приходим на основании количественных данных. Обратив же внимание на строки конкорданса, и рассматривая сочетаемость слова, мы получаем качественную информацию об изучаемой единице и можем составить лексико-грамматический профиль слова [O' Keefe, McCarthy, Carter, 2007: 2].

В рамках лингвокультурного подхода, которому мы придерживаемся, получение количественных данных по частотности позволит сделать выводы относительно образа семьи в картине мира французов, если мы используем корпус для поиска концептуальных метафор, объективируемых в медиатекстах и классических произведениях на французском языке.

Выбор корпуса как базы исследования производится в зависимости от целей и задач, которые должны быть решены. Невозможно найти корпус, удовлетворяющий сразу всем аспектам работы, поэтому исследователи часто комбинируют несколько платформ и баз и прибегают к помощи словарей.

Для эффективности исследования следует определить ключевые слова. Однако нужно понимать, что ключевые слова не есть самые частотные слова в тексте – они скорее самые «неожиданно частотные». «Ключевые слова – это статистическое, базирующееся на корпусах текстов, выявление самых важных слов в тексте, слов, которые отражают смысл и суть текста» [Scott, 2012]. Определение ключевых слов в тексте является, по сути, методом сравнения частотности слов в двух коллекциях текстов: большой (справочной) и малой (изучаемой). В результате сравнения выделяются ключевые слова, которые являются словами с необычной частотностью: либо неожиданно частотные, либо неожиданно редкие [Горина, 2011: 31].

Необходимость такой выборки можно объяснить тем, что некоторые слова по определению являются частотными, например, артикли. Ожидаемо, что самым частым «соседом» существительного во французском языке будет артикль, но нам нужно обратить внимание на другие слова, которые

рассматриваются скорее как специфические. Такими специфическими словами в нашей работе будут служить метафоры, найденные нами в авторском корпусе статей собранном на базе медиатекстов.

Особым подходом для работы с корпусом является коллострукционный анализ, так как он объединяет в себе несколько методов:

- колексемный анализ, служащий для измерения степени притягивания/отторжения данной леммы относительно слота конструкции;
- различительный колексемный анализ, измеряющий какую из двух схожих функционально конструкций предпочитает конкретная лексема;
- ковариация колексем – метод, позволяющий измерить насколько часто одна лексема в одном из слотов употребляется одновременно с определенными лексемами в других слотах [Кузнецова, Велейшикова, 2010: 109].

Коллострукционный анализ – это название, объединяющее несколько методов лингвистического анализа, созданных Ст. Грисом и А. Стефановичем. Название «коллострукция» (англ. *collostruction*) происходит от сложения двух слов *collocation* «коллокация» и *construction* «конструкция». Методы, объединенные под этим названием, находятся на стыке лингвистики и статистики [Stefanowitsch, Gries, 2003: 211]. В основе лежит метод, являющийся развитием коллокационного метода анализа, в рамках которого исследуется, какие слова наиболее частотно встречаются в том или ином контексте. Поиск наиболее частотных вариантов заполнения слота конструкции дает авторам значительные преимущества, в результате которых он становится более «прицельным» [Stefanowitsch, Gries, 2005: 2].

Сами авторы, Грис и Стефанович, комментируют подход следующим образом: «Коллострукционный анализ вырос из слияния двух течений современной лингвистики, одно из которых теоретическое, а другое – методологическое. Теоретическое течение состоит из широкого круга современных синтаксических теорий, которые рассматривают синтаксические структуры как значимый элемент и которые можно называть

(обобщая) конструкционные теории. Методологическое течение связано с корпусной лингвистикой или, конкретнее, с тем, что мы называем количественная корпусная лингвистика» [Там же: 2].

Работа с корпусами текстов помогает исследователям избежать субъективности и дает возможность автоматического поиска информации и сплошного анализа материала. Целесообразность использования корпусов определяется большим и сбалансированным объемом корпуса, обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений. Данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что создает возможность их всестороннего и объективного изучения. По этим причинам корпус является идеальным инструментом для нашего исследования, поскольку это позволит нам проанализировать такой объемный материал как романы.

1.4 Алгоритм исследования

Для того, чтобы отследить динамику концептуализации семьи во французской лингвокультуре, мы будем сравнивать результаты первой части исследования, материалом для которой послужили медиатексты, с результатами второй части исследования, основанной на классической французской литературе XIX – начала XX в.

В первую очередь, мы начали работу с поиска материалов в области публицистики. Для этого мы обратились к французскому массмедийному дискурсу, чтобы отследить актуальные взгляды французского общества и их отношение к такому концепту как СЕМЬЯ. Основными ресурсами послужили такие электронные французские журналы как Le Monde, LeFigaro, SciencesHumaines. Методом сплошной выборки было найдено 500 статей по общей тематике «семья», которые составили авторский исследовательский корпус. В ста из них удалось обнаружить концептуальную метафору семьи. В дальнейшем исследование было сосредоточено вокруг этих статей, на основе

которых была создана классификация. Выделено шесть групп метафор (по сферам-источникам) и применён качественно-количественный анализ. После преобразований и подсчётов мы получили процентное соотношение, на основании которого были сделаны выводы о месте, занимаемом семьёй в картине мира французов, определена социальная значимость и основные признаки данного концепта.

Во второй части исследования, основанном на французской художественной литературе, проводится коллострукционный анализ. За пример проведения данного исследования мы взяли алгоритм из работы Сирил и Доминика Лаббе «Любовь в работах Корнеля» [Labbe, Labbe, 2006].

Рассмотрим внимательнее последовательность шагов, описываемую авторами.

Предложение, содержащее анализируемую лексическую единицу, сопоставляется с другими предложениями корпуса, которые содержат данную единицу, чтобы выделить те слова, которые чаще всего встречается в контексте с искомым словом.

Первый шаг: рассмотреть слово в языковой системе. “Как мы можем понять значение слова из литературного французского семнадцатого века?”, – задаются вопросом С. Лаббе и Д. Лаббе. Ответ можно найти в словарях данного периода. Важно определить грамматическую категорию слова. Далее лексическую единицу можно проанализировать по спискам соответствий, однако это малополезно для французского, потому что в этом языке огромное множество слов (особенно часто употребляемы) имеют несколько способов написания. К таким часто употребляемым словам относятся артикли, притяжательные местоимения и неправильные глаголы.

Второй шаг: определить лексическое поле искомого слова. Этот алгоритм выбирает все предложения содержащие искомое слово. Например, в работах Корнеля лексическое поле слова «любовь» (*amour*) содержит 1 822 предложение и почти 60 000 слов. Выборка нужна чтобы отделить слишком длинные предложения и не делать на них акцент в вычислениях.

Третий шаг: вычислить насколько сильна связь между искомым словом и его контекстным словом [Labbe, Labbe, 2006].

С помощью платформы SketchEngine был создан корпус классической французской литературы, который включает в себя главным образом романы. Основным критерием выбора произведений была тематика и проблемы, поднимаемые в повествовании. Здесь наше внимание привлекли такие романы как «Жизнь» Ги де Мопассана и «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера, так как в них четко прослеживается тема семьи. Во-вторых, мы уделили внимание разнообразию произведений, включив в корпус также романы, в которых описаны исторические события, политические изменения («Отверженные» Виктора Гюго и «Три мушкетёра» Александра Дюма»). Таким образом, мы получили корпус, состоящий из восьми романов, один из которых роман-эпопея «Отверженные» в пяти томах, общим объемом 8 689 страниц и 1 654 275 слова.

На основе данного корпуса была проведена вторая часть исследования, которая заключалась в анализе контекстов метафор, найденных в первом исследовании, но применительно к новому материалу. В процессе мы искали примеры метафорического применения данных лексем, чтобы сделать вывод о частотности той или иной метафоры, а также составляли списки наиболее частотных коллокаций. Основываясь на сходстве или несходстве смыслов, актуализируемых авторами при помощи использования лексемы, мы выбрали метафоры, которые имеют эквиваленты в медиатекстах. Метафоры, которым не нашлось соответствий в классических произведениях, соответственно, говорят нам и об отсутствии конкретных концептуальных признаков заложенных в них.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Разграничены понятия традиционной метафоры и концептуальной метафоры. За рабочее определение концептуальной метафоры взято определение Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Метафора – это не просто явление языка, а мыслительный феномен, средство постижения мира человеком, при этом язык является не единственным, а лишь одним из способов существования метафоры. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека.

2. Рассмотрен процесс метафоризации основанной на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, другими словами, происходит «метафорическая проекция».

3. Основой для работы служит лингвокультурологический подход к пониманию структуры концепта как основной ячейки культуры в ментальном мире человека.

4. Познакомившись с основными направлениями исследования концептуальной метафоры (экономический, политический, экологический дискурс), мы не нашли подобных исследований посвященных институту семьи и сделали вывод об актуальности выбранной темы.

5. Дано определение понятию «корпус», выделены критерии репрезентативности корпуса, разграничены corpus-based и corpus-driven исследования.

6. Описан алгоритм практического исследования и принципы выборки материала.

ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СЕМЬЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-НАЧАЛА XX В. И МЕДИАТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI В.

2.1 Сферы-источники для концептуализации семьи в медиатекстах первой трети XXI в.

Цель данного параграфа – представить результаты анализа метафорической концептуализации семьи во французском массмедийном дискурсе, проиллюстрировать получившуюся классификацию данных концептуальных метафор и их сфер-источников.

В процессе исследования, осуществленного на основе ранее перечисленных материалов, найдено множество метафор, объективирующих концепт FAMILLE. На основании результатов можно выделить следующие сферы-источники метафор (Рисунок 1):

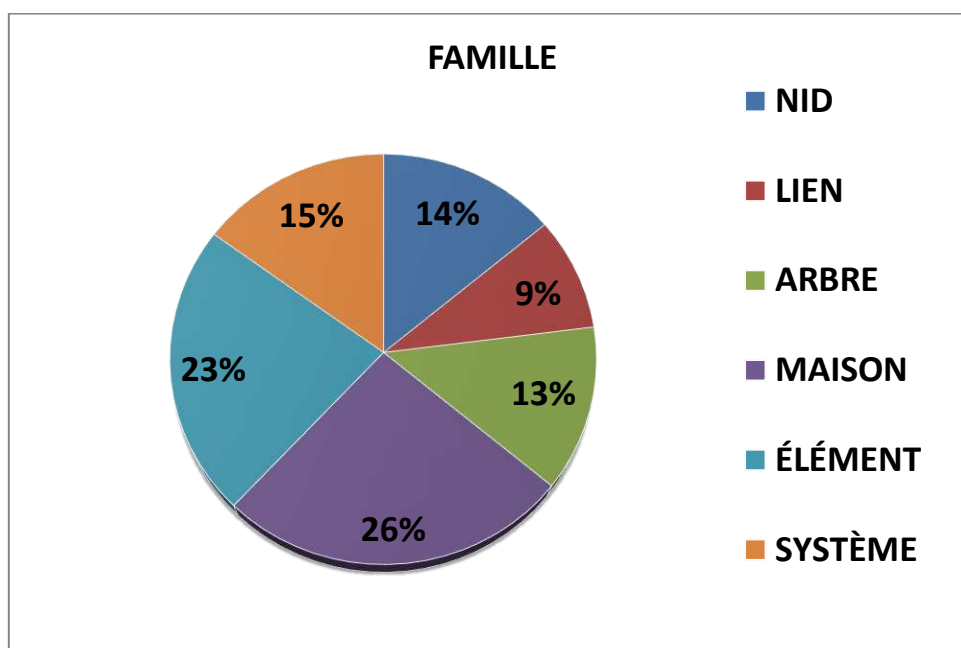

Рисунок 1. Сферы-источники концептуализации FAMILLE

После составления классификации стало понятно, что самой многочисленной и разнообразной группой метафор является FAMILLE –

MAISON. Данная концептуальная метафора представлена следующими лексемами:

- 1) лексемы, обозначающие «фундамент» дома (*socle de la société, la base de la société, le fondement de la société*),
- 2) «камень» как кирпичик из которого состоят стены дома (*le pierre fondamentale, le pilier de la communauté*),
- 3) собственно «стены» (*les murs*),
- 4) «крыша» дома (*le toit*),
- 5) «очаг», у которого собираются по вечерам члены семьи (*le foyer*),
- 6) «ключ», открывающий двери в дом (*la clé de voûte*),
- 7) «крепость» (*le bastion, le rempart*) или «ограда» (*le cercle familial*), защищающие дом от непрошенных гостей.

Рассмотрим несколько примеров:

(1) *Ainsi, en tant qu'union procréatrice légitime, il est fondateur d'une famille, donc le "socle de la famille", tout en étant un objet d'alliance entre des familles, de même qu'objet de manipulation et de contrôle [Le Point].* В данном примере речь идёт о браке, который продемонстрирован как «цоколь» семьи, то есть, как подножие «здания семьи». Фундаментом семьи в статьях часто называют брак.

(2) *"La famille est le pilier de chaque société et de l'Etat. Elle est une école humaine basée sur le relations, ainsi qu'une école pour l'édification d'une meilleure société" [NNA].* Автор утверждает, что семья – это колонна, стержень, лежащий в основе каждого общества.

(3) *En ces jours où la maison et le foyer sont largement délaissés pour de multiples activités extérieures, avec comme conséquence l'éclatement de la famille et de ses liens, il apparaît que ce nouveau mode de persuasion peut, d'une certaine façon, réinstaller le toit familial dans son rôle habituel [Sciences Humaines].* Статья описывает новую тенденцию, когда члены семьи не пытаются разделить и жить отдельно, а, наоборот, «восстанавливают» общую

семейную *крышу*, а конкретнее её старую функцию – объединять семью под общей кровлей.

(4) « *Parce que la famille est le dernier rempart derrière lequel on peut s'abriter*», *répond Anne Schützenberger* [Le Figaro]. В этом примере автор изображает семью как единственный «оплот», за которым можно укрыться, то есть, получить поддержку.

Оградившись в своем доме, члены семьи отделены от внешнего мира. Но только на первый взгляд метафора «Мой дом – моя крепость» может восприниматься негативно и выражать недоступность. Это необходимая защита, а также граница. Таким образом, дом и социум имеют свои, непересекающиеся локации, обособленность. В настоящее время данная метафора, в силу обострения осознания хрупкости человеческого бытия, сохраняет и укрепляет свои позиции. При подсчете данных, мы выяснили, что концептуальная метафора FAMILLE – MAISON составляет 26% от всех найденных нами метафор.

Далее следует отметить метафору FAMILLE – NID (14%), которая тоже воплощает образ дома как места, где вырастают дети, а так же фитоморфную метафору FAMILLE – ARBRE: *l'arbregénéalogique, labranche, lesracines* (13%). Фитоморфными метафорами называют метафоры, которые имеют сферу-источник мир растений. Представим несколько примеров:

(5) *A 18 ans, il a quitté le nid familial, puis a vécu trois ans avec sa compagne à Niort* [Le Monde]. Автор ассоциирует ребёнка с птенцом, который покинул семейное гнездо.

(6) *Normalement, les oiseaux quittent le nid et n'y reviennent pas* [Le Monde]. Из этого примера мы видим ассоциацию детей с взрослыми птицами (*lesoiseaux*), которые покидают гнездо, начиная самостоятельную жизнь, и не возвращаются назад.

(7) *Ensuite s'ajoutera un besoin obsessionnel typique du collectionneur, en l'occurrence, celui de reconstruire certaines branches de l'arbre généalogique*

»dans son intégralité [Le Figaro]. В этом примере родственные связи представлены как ветви дерева.

(8) *Si tu coupes les branches d'un arbre, il restera toujours ses racines* [Le Figaro]. В данном примере можно найти сравнение дерева с семьей. Автор говорит о том, что даже если человек отрубит «ветви дерева», «корни» всё равно останутся, что можно интерпретировать как «семью не выбирают».

Культ священных деревьев встречается практически у всех народов мира и восходит своими традициями в далекое прошлое, образ дерева является библейским и священным. Значимость дерева для жизни человека не могла не отразиться в языке. Дерево имеет глубокие корни, мощный ствол и множество ветвей. Его структура позволяет человеку с легкостью применять метафору дерева в случаях, где необходимо показать иерархию, подчинение, структурирование по вертикальному принципу.

Кроме того, потенциал фитоморфных метафор связан с акцентом на естественности и непрерывности жизненного цикла, всеобщей взаимосвязи, необходимости заботы и сотрудничества. Фитоморфная метафора подсказывает, что всякое серьезное дело должно иметь прочные корни и произрастать на родной почве.

Хорошо известна метафорическая модель генеалогического дерева или семейного дерева, которое наглядно помогает представить степени родства, проследить историю и развитие поколений. Эта ключевая метафора кровного родства является одной из межкультурных универсалий. Знаменательно, что само слово род связано с семантикой роста [Дехнич, 2002].

По анализу найденных метафор дерева, можно сделать вывод, что корни дерева являются образом предков, прошлого и истории семьи, а ветви дерева символизируют молодые поколения семьи. Образ дерева в целом – это генеалогия семьи, подразумевающая как предшествующие, так и новые поколения.

Далее следует почти такая же многочисленная группа FAMILLE – ÉLÉMENT, которая представлена следующими номинациями:

- 1) «ячейка» (*lacellule*),
- 2) «ядро» (*lenoyau*),
- 3) «составляющая» (*la composante, le constituant*),
- 4) «элемент» (*l'élément*),
- 5) «единица» (*l'unité*),
- 6) «звено» (*le maillon*),
- 7) «роль» (*le rôle*),
- 8) «рамка» (*le cadre*).

Концептуальные метафоры данной группы составляют 23% от ста процентов. Рассмотрим несколько примеров.

(9) *En effet, la carrière des femmes est souvent mise entre parenthèses pour maintenir l'équilibre interne d'une cellule familiale dont elles assument 80% des tâches domestiques* [Le Figaro]. Согласно данному примеру женщина «держит в равновесии» семейный порядок «в ячейке общества» выполняя большую часть работы по дому.

(10) *La famille élargie des dirigeants en constitue souvent le noyau dur* [Sciences Humaines]. На контрасте с «лёгкой» ячейкой, семья состоящая из нескольких поколений представляет «тяжелое ядро» общества.

(11) *On parlait de la famille comme d'une unité de procréation et d'élevage des enfants* [Le Figaro]. В этом примере семья названа «единицей» создания детей.

Еще один достаточно часто используемый метафорический образ – образ семьи как отдельной единицы общества. Оценивая данную метафору с точки зрения отношений «доминирования и подчинения», часто применяемых в социологии и политологии, ячейка как элемент целого имеет общегосударственное значение, но, будучи «одной из», растворяется и, подчиняясь, теряет свою значимость. Таким образом, метафора ячейки предполагает иерархию части и целого, наличие ассиметричных оппозиций.

В противоположность образу семьи как элемента появляется образ семьи как системы (FAMILLE – SYSTÈME). Метафоры данной группы

представлены такими лексемами, как *l'entreprise, l'institution, le système, la structure, la fratrie, le schéma, l'association*:

(12) *Qu'on prétende la constituer à sa guise, selon ses goûts ou selon des lois, ce n'est plus une famille, c'est une entreprise ou une association à but plus ou moins lucratif* [Le Figaro]. Автор утверждает, что семья в наши дни представлена как «предприятие» или «ассоциация», которые имеют своей целью заработать деньги.

(13) *L'institution stable fondée sur des normes rigides (« les liens sacrés du mariage »), une hiérarchie stricte (celle du « chef de famille » sur la femme et les enfants), une division des rôles (entre homme et femme, parent et enfants) a perdu son statut d'institution* [Sciences Humaines]. Семья рассмотрена как «институт», основанный на нормах, иерархии и разделении обязанностей.

(14) *Si l'entente familiale est bonne, la fratrie peut se partager les tâches: l'un paiera les factures, les impôts et collectera les fonds auprès des autres ; un autre gèrera les plannings d'occupation et les travaux* [Le Figaro]. Проведена параллель между семьей и братством, в котором у каждого свои обязанности.

Каждый член семьи выступает нитью в уникальном сплетении культурной самобытности семьи. Таким образом, создается целостная картина особой культурной группы – семьи. Каждой группе присущи свои характеристики, ритуалы, ценности, которые сохраняются во времени. Глобализация является фактором, компрометирующим «жизнеспособность» данной метафоры, представляя угрозу сохранению свойства уникальности, как отдельным человеком, так и всей современной семьей.

Последняя концептуальная метафора FAMILLE – LIEN по своей сути схожа с концептуальной метафорой FAMILLE – SYSTÈME, но при этом не является тождественной ей, потому что логически не всякие соединенные между собой понятия представляют собой систему, и поэтому метафоры данной группы вынесены отдельно от тех, которые принадлежат к «системе». Из исследуемых контекстов можно выделить три вида связи – это связь как

союз между мужчиной и женщиной, который образует семью; семейная связь между родителями и детьми; кровные узы.

(15) *Parenté : liens de sang et liens de coeur* [Sciences Humaines]. Данный пример рассматривает родство как объединение кровных уз и уз сердца.

(16) *Le lien entre parents et enfants y est fondé sur le fait que les époux légitimes sont aussi les père et mère des enfants de leur conjoint* [Sciences Humaines]. Пример из статьи иллюстрирует, что прочная связь между детьми и родителями основана на прочной связи между самими родителями.

(17) *Isabelle Filliozat, psychologue et psychothérapeute et Nicole Prieur, philosophe et thérapeute familiale, lèvent le voile sur le lien complexe qu'entretiennent les adultes avec leurs parents et explorent la question du pardon* [Le Figaro]. Данный пример рассматривает отношения между взрослыми детьми и их родителями как «сложную связь».

Данная группа метафор составляет 9% и является самой малочисленной, что можно объяснить тем, что связь родителей и детей со временем становится слабее, так как дети стремятся к независимости. Но принимая во внимание то, что молодым французам достаточно сложно трудоустроиться и жить обособлено от родителей, дети продолжают пользоваться родительской поддержкой и после выпуска из школы.

Подготовлен график, который показывает самые употребляемые метафоры семьи вне подразделения их на группы, где, как мы можем видеть, самыми распространенными являются «гнездо» и «очаг» (Рисунок 2).

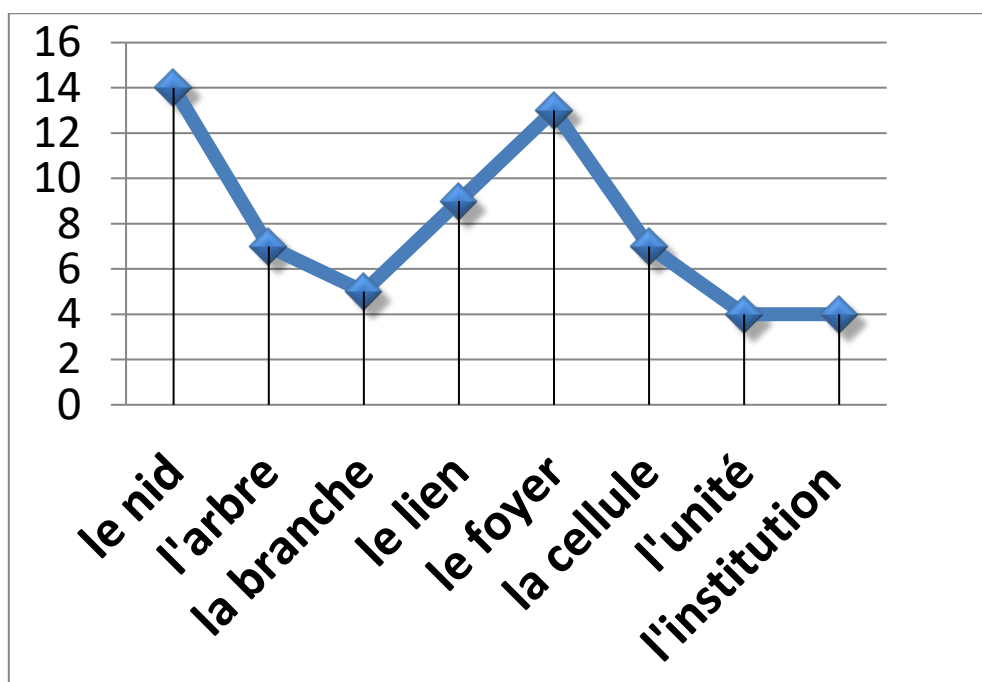

Рисунок 2. Наиболее частотные метафоры, репрезентирующие концепт FAMILLE

На основе полученных результатов можно сказать, что образ дома не случайно является главным символом семьи, что подкреплено историческим прошлым и традициями. Этот образ остается главенствующим для современного франкоязычного общества. Рассмотрение семьи как элемента и системы распространилось скорее в Новое время, с развитием научного и промышленного прогрессов, но данные идеи появились ещё в древнем мире. Результаты исследования характеризуют современную французскую семью как малую группу, развивающуюся и функционирующую по своим законам и передающую по наследству крупицы своих знаний о мире. Она зависит от общества, существующего политического строя, экономических, социальных и религиозных отношений. И одновременно семья – относительно самостоятельная ячейка общества.

2.2 Признаки концепта FAMILLE на основе метафорического моделирования (на материале медиатекстов)

На основе описанных нами ранее сфер-источников метафор выявлены основные образные признаки концепта FAMILLE. Для этого мы подробно рассмотрели составляющие каждой сферы-источника.

По нашему мнению, смысловое ядро признаков данного концепта составляет факт, что семья в первую очередь привязана к определенному месту. Это подтверждают концептуальные метафоры групп FAMILLE – MAISON и FAMILLE – NID, которые в сумме составляют 40% от всех метафор (Рисунок 3).

(18) Mais l'accès à l'autonomie adulte, c'est aussi l'accès à l'emploi. Or quitter le nid familial pour l'emploi, c'est nécessairement affronter une réalité moins confortable. Pour ceux que leurs études conduisent à des emplois difficiles, il peut y avoir souffrance [Sciences Humaines]. Данный отрывок взят из статьи, которая рассказывает о плюсах и минусах самостоятельной жизни детей после окончания школы. Автор утверждает, что для того чтобы покинуть родной дом необходимо найти работу, но часто покидая «родное гнездо» птенцы сталкиваются с суровой реальностью и безработицей.

(19) Mais ces élèves, en se saisissant des informations absentes de leur cercle familial, maintiennent voire renforcent leur excellence au fil des épreuves scolaires [Sciences Humaines]. В этом примере лексема *cercle* употребляется в значении «ограда», «вне дома».

Данная пара метафор, которые были логически объединены по общему параметру «место», составляет центральный слой концепта FAMILLE. Согласно группам данных метафор семья для французов напрямую связана с местом, где человек может найти защиту от невзгод (FAMILLE – MAISON), и место, где взрослеют дети (FAMILLE – NID). Каждая из метафор дома подразумевает защиту. Крыша защищает от непогоды, ограда – от непрошенных гостей. Очаг объединяет вокруг себя домочадцев и защищает

их от холода. Метафора гнезда изображает детей птенцами, которые растут и крепнут в гнезде, а после покидают его.

За средним слоем концепта FAMILLE закрепляется определённая зависимость и подчинение законам, выполнение определенной функции, обязательств; здесь мы логически можем выявить следующую пару метафор – FAMILLE – ÉLÉMENT и FAMILLE – SYSTÈM (в сумме 38%).

(20) *Mais quoi qu'on en dise, le schéma familial détermine l'éducation de l'enfant* [Café Citoyen]. Автор статьи утверждает, что семья – это «схема», которая предопределяет развитие ребенка.

(21) *Même si dans les familles les plus ouvertes débats et discussions animent la vie familiale, il n'y existe pas d'élection ni de pouvoir délégué. La hiérarchie est autocratique. Le ou les parents assurent l'autorité. Les enfants, parce que non responsables, sont soumis à cette autorité légale* [Café Citoyen]. В данной статье семья представляется как политический орган, в котором происходят дебаты и совещания. Однако эта «иерархия» является автократической, в ней не происходит выборов, единственным авторитетом являются родители.

(22) *L'organisme Eurostat mène régulièrement des enquêtes statistiques pour observer les changements dans la structure familiale*[Sciences Humaines]. Пример взят из статьи, в которой идет речь о социальных опросах, цель которых заключается в выявлении изменений в «семейной структуре».

(23) *On peut dire que cette institution qu'est le foyer est l'institution anarchiste par excellence. Elle est en effet plus ancienne que la loi, et se tient en dehors de l'Etat* [Le Figaro]. Автор статьи характеризует семью как «анархистский институт».

(24) *Le rôle de la cellule familiale dans la lutte contre la radicalisation et dans l'entraide intergénérationnelle - notamment via les tuteurs et des curateurs familiaux soutenus par l'Unaf - devrait enfin être évoqué* [Le Figaro]. В статье упоминаются роли ячейки общества, её функции в борьбе против радикализации.

(25) *Ce constat, souvent fait par les papes, c'est que la famille est la «cellule de base de la société»*[Le Figaro]. В приведенной цитате «семейная ячейка» названа «основой общества».

Таким образом, выявлен средний слой концепта, включающий в себя метафоры семьи как «элемента» и семьи как «системы». Семья как элемент подразумевает составляющую общества, одну из её единиц, как и зависимость от общепринятых законов. Метафора семьи как системы подразумевает, что каждый член семьи исполняет свою роль, выполняет свои функции, обязательства, тем самым тоже соблюдает определенные общие законы в рамках семьи. Общая черта признаков концепта данного слоя – это упорядоченность, системность.

На периферии находятся такие признаки семьи как, взаимоотношения между домочадцами (FAMILLE – LIEN) и семейная история (FAMILLE – ARBRE). Данные признаки можно было отследить в двадцати двух процентах всех контекстуальных единиц, проанализированных нами. Заключительная пара метафор была выделена по критерию «связи», «взаимодействия».

(26) *La généalogie est de plus en plus remplacée par la technologie: désormais, le mot «nouvelle génération» renvoie moins aux petits enfants qu'aux derniers produits de l'industrie* [Le Figaro]. В статье говорится о том, что значимость родственных связей в обществе постепенно смещается технологиями, а словосочетание «новое поколение» начинает употребляться преимущественно в контексте новых моделей телефонов, чем в отношении маленьких детей.

(27) *La société peut et doit même parfois corriger ou consolider la famille, comme on soigne et consolide la branche sur laquelle on repose* [Le Figaro]. Автор утверждает, что обществу следует проверять работу института семьи с такой же тщательностью, с которой мы следим за тем, чтобы не обломилась «ветка», на которой мы сидим, забираясь на дерево.

(28) *Le nombre d'indivisaires augmente, les liens familiaux se distendent et la gestion se complique* [Le Figaro]. Данный пример взят из статьи, в которой поднимаются вопросы прочности родственных связей в современном обществе.

Метафора дерева ассоциируется с семейной историей, генеалогией, которая своими ветвями связывает все поколения, а также с непрерывностью жизненного цикла. То есть, метафора дерева подразумевает преимущественно связь семейную и историческую, связь с прошлыми поколениями, в то время как концептуальные метафоры группы FAMILLE – LIEN делают акцент на актуальных отношениях между членами семьи, социальном взаимодействии в настоящем времени. Таким образом, метафоры периферии объединяет такой признак семьи как некая непрерывная связь, которая держит домочадцев вместе. При этом метафора дерева больше сосредоточена на семейном прошлом, а метафора связи направлена на актуальные семейные отношения.

Итак, каждой метафоре соответствует концептуальный признак. Были выделены следующие концептуальные признаки:

- a. защита (FAMILLE – MAISON);
- b. место, где вырастают дети (FAMILLE – NID);
- c. подчинение закону (FAMILLE – ÉLÉMENT);
- d. выполнение обязанностей (FAMILLE – SYSTÈM);
- e. взаимосвязь и отношения (FAMILLE – LIEN);
- f. история (FAMILLE – ARBRE).

Три слоя концепта FAMILLE разграничены на основе трёх пар метафорических признаков, каждый из которых соответствует определенной частотной метафоре. Метафоры объединены в пары логически, на основании какой-либо общей переменной. Для ядра концепта этой общей переменной оказалось определенное «место», для среднего слоя концепта – некая «системность», для периферии концепта – «связь».

Выделив данные пары, мы, опираясь на количественные данные представлены в предыдущем параграфе, посчитали сколько процентов от ста суммарно составляет каждая метафорическая пара. Так как пара метафор, объединенная на основании параметра «место» (FAMILLE – MAISON и FAMILLE – NID) представлена чаще остальных (40%), она составила ядро концепта. Следующая пара метафор, объединенная по критерию «системности» (FAMILLE – ÉLÉMENT и FAMILLE – SYSTÈM), составила 38%, чуть меньше предыдущей пары, поэтому была определена как средний слой. Заключительная пара (FAMILLE – LIEN и FAMILLE – ARBRE), составленная по параметру «связь», суммарно дала 22%, то есть, меньше чем обе предыдущие пары. Поэтому признаки, закрепленные за данными метафорами, были рассмотрены нами как преферийные (Рисунок 3).

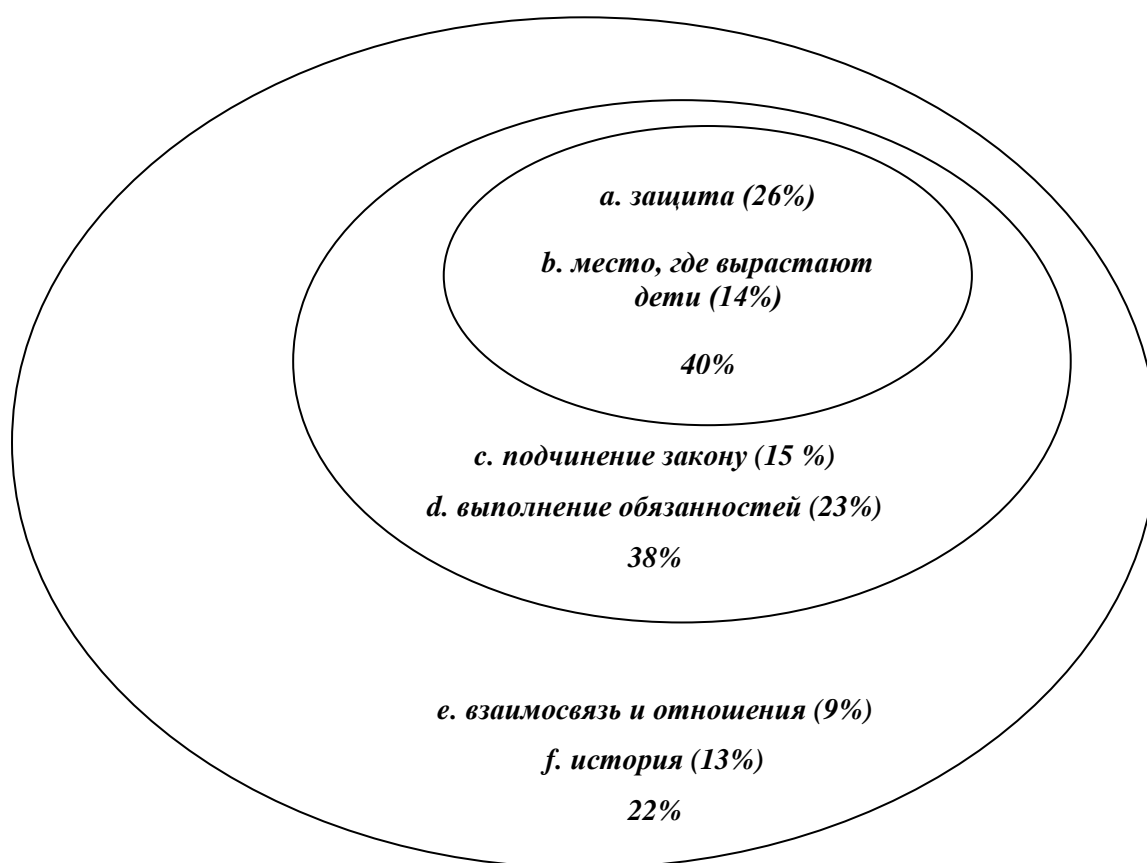

Рисунок 3. Признаки концепта FAMILLE

Как мы можем видеть, большой процент отобранных статей демонстрирует нам метафору. Это не так удивительно, ведь публицистический стиль, обслуживая сферу социально-культурных отношений, выполняет информативную и воздействующую функции. Однако стоит отметить, что для создания выразительности и образности, которые воздействуют на читателей, журналисты от статьи к статье используют схожие метафоры и лексемы, которые их выражают. Это объясняется устойчивой природой метафор, их концептуальностью. Французские авторы в свою очередь используют для передачи смысла существующие в общем сознании концепты, другими словами, национальную концептосферу. Концепт – «сгусток культуры», а национальная литература демонстрирует нам культурное своеобразие. С помощью этого инструмента мы можем отследить, эволюцию метафор, сопоставить их появление с историческими событиями, описанными в исторических романах, объяснить их с точек зрения социальных и политических проблем, которые поднимают произведения.

2.3 Метафоры семьи в классической французской литературе XIX-начала XX вв.

Вторая часть нашего исследования основана на классической французской литературе периода с 19 по 20 век. В 19 веке французская литература достигла своего расцвета, поэтому справедливо предположить, что многие метафоры стали устойчивыми и крылатыми именно благодаря писателям-классикам принадлежавшим этому столетию. Разнообразная палитра романов, написанных в этот временной отрезок, объясняется не только их жанрами, но и тремя литературными течениями, сменявшими друг друга – романтизм, реализм, натурализм, которые освещали разные культурные аспекты. На данном этапе мы произведем поиск уже найденных

нами в первой части исследования метафор на новом материале и попытаемся подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу.

Начнем поиск с группы метафор FAMILLE – MAISON.

Сложнее всего анализу поддаются распространенные слова из-за их чрезмерной частотности. Одна из таких лексических единиц – *maison* – встречается в нашем корпусе 1 101 раз (Приложение А). Трудность состоит в том, что наш метод не позволяет нам отделить образность от обычного описания. Корпус лишь предоставляет нам возможность для более комфортного поиска и такие опции как анализ контекста, которые тоже немаловажны. Таким образом, каждый отдельный пример мы просматриваем вручную для того чтобы выявить метафорический смысл. Что касается лексем *maison*, логично, что сфера слов, составляющих её контекст, получилась самой многочисленной. Устойчивые коллокации составляли как прилагательные, обозначающие физические признаки (*nouvelle, grande, ancienne, blanche*), так и прилагательные более специфические (*morne, miserable, pénible*).

Одной из самых частотных коллокаций ожидаемо стало словосочетание *maison paternelle*. Зачастую в выбранных нами произведениях «родительский дом» играет роль синонима слову «семья»:

(29) *J'étais moi-même péniblement émue, je revenais à Paris pour la première fois depuis la mort de ma mère ; et puis, quoique je n'eusse guère de raison de regretter la maison paternelle, j'y étais chez moi...* [Les mystères de Paris].

Герой утверждает, что родительский дом – это единственное место, которое он истинно может назвать домом, хотя он не был там уже очень давно и не жалел об этом.

Ещё один пример употребления коллокации «родительский дом»:

(30) *La mère a chassé la servante ; mais le jeune homme a été assez fou pour quitter la maison paternelle et pour amener cette pauvre fille à Paris* [Les mystères de Paris].

Однако в большинстве случаев авторы использовали слово *maison* только для описания здания, помещения, какой-либо локации, что подтверждает список частотности. Изучая контекст лексемы *maison*, мы заметили, что часто в произведениях семейное благополучие выражается через описания семейного жилища, потому что дом – близкое и неотделимое понятие для слова «семья»:

(31) *Je me dis : Elle s'en va dans la campagne, au bon air, dans sa maison, dans sa famille... et moi je remonte toute seule dans le chenil de l'ogresse, où on ne voit pas clair en plein midi* [Les mystères de Paris].

(32) *[...] la femme qui, au lieu de chercher à s'arranger dans la condition qui lui est donnée, avec sa situation, avec sa naissance ; au lieu de chercher à se faire à la vie qui lui appartient, reste préoccupée de mille aspirations étrangères puisées dans une éducation trop élevée pour elle ; qui, au lieu de s'accommoder des devoirs de sa position, d'être la femme tranquille du médecin de campagne avec lequel elle passe ses jours, au lieu de chercher le bonheur dans sa maison, dans son union, le cherche dans d'interminables rêvasseries, et puis, qui, bientôt, rencontrant sur sa route un jeune homme qui coquette avec elle, joue avec elle le même jeu* [Madame Bovary].

В этом примере идет речь о героине романа Мадам Бовари, которая не может принять свою жизнь и своё амплу жены, приспособиться к своим обязанностям. Вместо того чтобы искать счастье «в своём доме», «в своём союзе», она следует только за своими неуместными мечтами, забывая о всякой ответственности.

(33) *[...] c'est la peinture la plus vraie, la plus saisissante de ce que la femme qui a rêvé le bonheur en dehors de sa maison trouve immédiatement* [Madame Bovary].

Продолжается описание героини предыдущего романа, автор обозначает её безответственность и измены словами «искать счастье вне дома», то есть «вне семьи».

Более того, в некоторых примерах слова «дом» и «семья» являются взаимозаменяемыми. Например, в таких коллокациях как (дословно) «друг дома», а не «друг семьи»:

(34) *Comme l'avait prévu d'Artagnan, Athos n'était pas chez lui : il prit la clef, qu'on avait l'habitude de lui donner comme à un ami de la maison , monta l'escalier et introduisit Mme Bonacieux dans le petit appartement dont nous avons déjà fait la description [Les Trois Mousquetaires].*

(35) *Quelquefois le curé ou un des vieux amis de la maison se met à table avec vous [Les mystères de Paris].*

Интересным является употребление *maison* в значении «династия», «правлящая семья», «род», что обусловлено исторической эпохой:

(36) *La famille prédestinée qui revint en France quand Napoléon s'écroula eut la simplicité fatale de croire que c'était elle qui donnait, et que ce qu'elle avait donné elle pouvait le reprendre ; que la maison de Bourbon possédait le droit divin, que la France ne possédait rien ; et que le droit politique concédé dans la charte de Louis XVIII n'était autre chose qu'une branche du droit divin, détachée par la maison de Bourbon et gracieusement donnée au peuple jusqu'au jour où il plairait au roi de s'en ressaisir. Cependant, au déplaisir que le don lui faisait, la maison de Bourbon aurait dû sentir qu'il ne venait pas d'elle [Les Misérables].*

В вышеприведенном примере говорится о династии Бурбонов, однако используется не французское *dynastie*, а *maison* (дом).

(37) *Sachant que les héros de prédilection du grand-duc étaient Gustave-Adolphe, Charles XII et le grand Frédéric (Maximilien-Rodolphe avait l'honneur d'appartenir de très près à la maison royale de Brandebourg), Rodolphe pensait avec raison que son père, qui professait une admiration profonde pour ces rois-capitaines toujours bottés et éperonnés, chevauchant et guerroyant, regarderait son fils comme perdu s'il le croyait capable de vouloir remplacer dans sa cour la gravité tudesque par les mœurs faciles et licencieuses de la Régence [Les mystères de Paris].*

В этом отрывке место «приближенность к королевской семье» автор использует «приближенность к королевскому дому».

(38) *Sarah était de noble et ancienne maison; une telle union ne manquait pas de precedents* [Les mystères de Paris].

Снова «семья» заменяется лексемой «дом». Если сказать дословно – «Сара была из благородного и старого дома», но мы понимаем, что в данном случае речь идёт скорее о семье или о роде, так как дом не может быть «благородным», а далее в тексте речь идёт о браке.

(39) *Quoique je vous aie traitée comme vous le méritez devant le curé de la paroisse, un tel événement aux yeux du public serait la honte d'une maison comme la mienne ; de plus, votre famille serait au désespoir* [Les mystères de Paris].

Герой заявляет, что, если бы такое событие произошло в его собственной семье (выражено лексемой *maison*), это стало бы позором в глазах общества.

Вышеперечисленные примеры подчеркивают близость понятий «дом» и «семья», также мы можем сделать вывод, что «дом» и «семья» были взаимозаменяемыми, если речь шла о династии или знатной семье.

Однако самым важным является факт, что некоторые примеры, демонстрируют не только синонимичность, но и определенные метафоры, найденные нами в публицистических статьях, то есть, некоторые из них имели место быть и в классической литературе.

Следует подчеркнуть, что далеко не все номинации, выражающие метафоричность по результатам исследования на материале медиатекстов выражают тот же самый смысл и в этой части исследования. Зачастую, как и с лексемой *maison*, эти номинации достаточно частотные, но используются только в прямом значении, либо они вовсе не были найдены в нашем корпусе.

Перечень номинаций, используемых для выражения метафорического смысла составленный нами после первой части практической работы значительно сократился, но нам также удалось выявить некоторые

совпадения. В первую очередь примеры, демонстрирующие данные совпадения связаны с лексемами *toit* и *foyer* и сферой-источником MAISON.

Рассмотрим примеры с номинацией *toit*:

(40) *C'était vrai, parbleu, qu'il en avait fait autant, et souvent encore, toutes les fois qu'il avait pu ; et il n'avait pas respecté non plus le toit conjugal ; et, quand elles étaient jolies, il n'avait jamais hésité devant les servantes de sa femme ! [Une vie].*

В отрывке речь идет об изменах, автор пишет (дословно) «он не уважал супружескую крышу» в значении «он не уважал свою семью/свой брак».

(41) *Nous ne pouvons pourtant pas garder sous notre toit une fille mère avec son bâtard, comprends-tu ? [Une vie].*

Невозможность оставить «под крышей» девушку и её незаконнорожденного ребенка, то есть, невозможность оставить эту девушку в семье.

(42) *Madame de Rênal eut un sang-froid inaltérable pendant toute cette pénible conversation, de laquelle dépendait la possibilité de vivre encore sous le même toit avec Julien. Elle cherchait les idées qu'elle croyait les plus propres à guider la colère aveugle de son mari [Le Rouge et le Noir].*

В этом примере автор также описывает супружеский конфликт. Женщина пытается сохранять хладнокровие перед разговором, который определит возможность дальнейшей семейной жизни «под одной крышей» с мужем.

Далее рассмотри примеры с номинацией *foyer*:

(43) *Vois-tu, fillette, voilà ce qu'il y a de meilleur au monde: le foyer, le foyer avec les siens autour. Rienne vaut ça [Une vie].*

Герой произведения Мопассана заявляет, что в мире нет ничего лучше, чем очаг, вокруг которого собираются «свои» – члены семьи.

(44) *Et tout cela était plein de tendresses passionnées et puériles, de mille petites choses intimes, de ces grands et simples événements du foyer, si mesquins pour les indifférents [Une vie].*

В этом примере Мопассан ещё раз подчеркивает символичность образа очага в контексте семейной жизни. Несколько примеров из произведений других писателей:

(45) *Lorsqu'elle se fut relevée, lorsqu'après avoir secoué les fatigues de la volupté, elle rentra au foyer domestique, à ce foyer où elle devait trouver un mari qui l'adorait, après sa première faute, après ce premier adultère, après cette première chute, est-ce le remords, le sentiment du remords qu'elle éprouve, au regard de ce mari trompé qui l'adorait ?* [Madame Bovary].

Флобер описывает эпизод, когда героиня вернулась домой, «к домашнему очагу», где её ждал всё ещё любящий муж, не знающий о её измене.

(46) *Les riches peuvent entourer leurs vices d'ombre et de mystère, et respecter la sainteté du foyer domestique* [Les mystères de Paris].

В примере речь идёт о необходимости богатых людей абстрагироваться от общества, чтобы сохранить семейные тайны и изъяны, сохранить репутацию «домашнего очага», то есть, своей семьи.

(47) *Ainsi, pour celui qui, plongé en naissant dans un foyer de dépravation domestique ; est vicié tout jeune encore, aucun espoir de guérison !* [Les mystères de Paris].

Дословно автор пишет «рожденный у очага домашней испорченности» или «у испорченного домашнего очага», что, исходя из контекста, подразумевает нездоровый климат в семье, конфликты между родителями.

Интересно, что определенные метафоры, найденные нами во второй части исследования, противоречат найденным ранее. Например, в первой части исследования у нас было множество примеров, в которых семья представляла как «база» или «фундамент» общества. Выполняя вторую часть работы, мы нашли следующий пример:

(48) *Entendons-nous sur l'égalité ; car, si la liberté est le sommet, l'égalité est la base* [Les Misérables].

Из данного примера следует, что вовсе не семья является основой общества. Гюго утверждает, что «равенство – это основа». Это можно объяснить тем, что автор описывает революционную эпоху с иными ценностями.

На этом какие-либо совпадения для группы метафор сферы-источника FAMILLE – MAISON заканчиваются. Отмечаем, что только две номинации выражали метафорический образ семьи (*toit, foyer*), но при этом примеров таких метафор было достаточно много, поэтому можно сделать вывод о том, что признаки концепта FAMILLE закрепленные за данной сферой-источником, уже были сформированы в национальном сознании.

Далее мы нашли подобные соответствия с номинациями сферы-источника FAMILLE – NID, что подтверждают следующие примеры:

(49) *Comme les oiseaux font un nid avec tout, les enfants font une poupée avec n'importe quoi* [Les Misérables].

(50) *Les enfants ont leur chant du matin comme les oiseaux* [Les Misérables].

В двух примерах приведенных выше Гюго сравнивает детей с птицами.

(51) *Cosette, les cheveux dans le soleil, l'âme dans les chimères, éclairée par l'amour au dedans et par l'aurore au dehors, se pencha comme machinalement, et, sans presque oser s'avouer qu'elle pensait en même temps à Marius, se mit à regarder ces oiseaux, cette famille, ce mâle et cette femelle, cette mère et ces petits, avec le profond trouble qu'un nid donne à une vierge* [Les Misérables].

В этом отрывке прослеживается метафора гнезда. Автор изображает дом как гнездо, а членов семьи – птицами.

Примеров метафор FAMILLE – NID было найдено в разы меньше по сравнению с группой метафор FAMILLE – MAISON, однако и номинации группы MAISON в 8 раз превышают по частотности номинации группы NID (1 957 против 238). Подчеркиваем, что обе номинации (*oiseau, nid*), представляющие данную группу, использовались с метафорическим

значением, что нельзя утверждать относительно предыдущей сферы-источника MAISON. В любом случае, считаем, что метафора гнезда также как метафора дома нашла отражение в классической литературе.

Что касается группы номинаций FAMILLE – ARBRE, кроме частотной коллокации «генеалогическое древо», мы также нашли примеры метафор:

(52) *Que devint la sœur ? que devinrent les sept enfants ? Qui est-ce qui s'occupe de cela ? Que devient la poignée de feuilles du jeune arbre scié par le pied ? C'est toujours la même histoire. Ces pauvres êtres vivants, ces créatures de Dieu, sans appui désormais, sans guide, sans asile, s'en allèrent au hasard, qui sait même ?* [Les Misérables].

В данном отрывке дети сравниваются с листочками, которые были брошены на произвол судьбы после потери семьи, взрослых, которые заботились о них. Дословно «что стало с листочками молодого дерева раздавленного ногой».

(53) *Une grosse affaire de famille pour la maison de Bourbon ; la branche de France secourant et protégeant la branche de Madrid, c'est-à-dire faisant acte d'aînesse* [Les Misérables].

В данном предложении династия олицетворяет дерево, а родственные королевские семьи – ветвями этого дерева.

(54) *Les maisons royales ressemblent à ces figuiers de l'Inde dont chaque rameau, en se courbant jusqu'à terre, y prend racine et devient un figuier. Chaque branche peut devenir une dynastie* [Les Misérables].

«Каждая ветвь может стать династией» означает, что каждая ветвь королевской семьи может занять лидирующую позицию.

Несколько примеров содержат лексему *racines* – корни символизируют предков, историю и прошлое семьи:

(55) *Elle crut qu'elle avait des racines parce qu'elle était le passé* [Les Misérables].

В данном предложении прошлое героини ассоциируется с корнями, то есть, с предками.

(56) *Ces obscures et vivaces racines ne constituaient point le droit d'une famille, mais l'histoire d'un peuple* [Les Misérables].

В вышеупомянутом примере Гюго утверждает, что «семейные корни не означают права семьи», они многое говорят об её истории.

Номинации данной группы почти в два раза превзошли по частотности предыдущую группу NID (451 и 238 соответственно), и каждая номинация (как и в предыдущей группе) была представлена образно, метафорически, но сравнительно с предыдущей группой таких примеров оказалось меньше. Последнюю сферу-источник, представленную номинацией *lien*, мы можем продемонстрировать лишь единичными примерами:

(57) *Tous les liens sociaux sont rompus entre nous, il ne reste plus que ceux de la nature. Après mon mari, vous êtes et serez toujours l'être qui me sera le plus cher. Mes yeux se remplissent de larmes, je songe à la peine que je vous cause, mais pour que ma honte ne soit pas publique, pour vous laisser le temps de délibérer et d'agir, je n'ai pu différer plus longtemps l'aveu que je vous dois* [Le Rouge et le Noir].

В данном отрывке речь идёт о семейном конфликте, в результате которого «все социальные связи между супругами были порваны».

(58) *D'ailleurs, n'était-il pas lié à Thérèse par un lien de sang et d'horreur ?* [Thérèse Raquin]. Автор говорит о кровном родстве («связе по крови»).

(59) *Madame Raquin fut comme frappée d'un trait de lumière ; elle vit d'un coup tous les avantages qu'elle retirerait personnellement du mariage de Thérèse et de Laurent. Ce mariage ne ferait que resserrer les liens qui les unissaient déjà, elle et sa nièce, à l'ami de son fils, à l'excellent cœur qui venait les distraire, le soir* [Thérèse Raquin]. В этом примере говорится, что «брак только укрепляет связи», которые объединяют людей.

Номинация *lien* найдена в нашем корпусе только 46 раз. Хотя найдено только три примера (около 15% от общего числа), в которых данная номинация актуализирует метафорическое значение, мы посчитали, что этого

достаточно для того, чтобы подтвердить закреплённость концептуальных признаков данной сферы-источника, которые были выделены в первой части исследования.

Что касается других групп – FAMILLE – ÉLÉMENT, FAMILLE – SYSTÈME – мы не можем сказать, что нашли отражение данных метафор в новом материале.

Номинации группы SYSTÈME насчитываются в корпусе общим количеством 91. Слова *enterprise*, *schema* не были найдены ни разу. Такие лексические единицы как *système* и *fratrie* использовались только в контексте революции, политики, лозунгов. Ни в одном из примеров не прослеживалась метафора, все слова употреблены только в прямо значении.

Говоря о группе ÉLÉMENT, такие номинации как *maillon*, *composantene* встретились в нашем корпусе. При общем количестве соответствий 195, что очень близко к соответствиям номинаций группы NID, примеры не актуализировали образ семьи как «элемента» или «ячейки общества».

Данная статистика дает нам основания утверждать, что образы семьи как «элемента» и семьи как «системы» ещё не были сформированы в национальном сознании в ту эпоху, также как и концептуальные признаки, закреплённые за данными метафорами, ещё не были закреплёны.

Таким образом, мы подтвердили, что некоторые метафоры часто встречались ещё в классической литературе и, возможно, положили начало широкому распространению метафор в публицистике. Так как каждой сфере-источнику метафор соответствуют определенные признаки концепта, мы можем сделать вывод, что метафоры, не нашедшие отражения в новом материале, свидетельствуют о несформированности некоторых слоев современного концепта FAMILLE в ту временную эпоху.

2.4 Коллострукционный анализ лексемы *famille* (на материале корпуса классической литературы)

В данном параграфе будет описан коллострукционный анализ лексемы *famille* на материале корпуса классической французской литературы и его результаты. Произведения, составившие корпус, суммарно насчитывают 8 689 страниц и 1 654 275 слова.

В корпусе было найдено 480 лексем *famille* (включая форму множественного числа *familles*). Далее мы анализировали контекст данной лексемы и составили таблицу самых частотных слов, составляющих контекст лексемы *famille* в нашем корпусе. Стоит уточнить, что мы рассматривали 5 слов предшествующих лексеме *famille* и 5 последующих слов (диапазон поиска -5 и $+5$). В прилагающейся таблице результатов коллострукционного анализа лексемы указаны от самых частотных по убыванию к минимально частотным. В качестве минимальной частотности было выбрано число 2 (Приложение Б).

В первую очередь из первичного списка частотности были исключены служебные части речи и имена собственные. Также мы исключили из списка глаголы, потому что в списке их насчитывалось небольшое количество, и такие коллокации как «покинуть семью», «вернуться в семью», «создать семью» повторялись от примера к примеру и в целом не представляли интереса для анализа. Далее мы получили три группы лексем (по трем частям речи), которым принадлежали самые частотные слова, составляющие контекст искомой лексемы – существительные, прилагательные и причастия.

Опишем полученные результаты.

Первую и самую многочисленную группу лексем составили существительные. Самыми частотными существительным стали *père* – отец/папа (25 соответствий), *mère* – мать/мама (12) и *honnête* – честность (11).

Логически среди полученных существительных удалось выделить следующие группы существительных:

1) существительные обозначающие названия родственных связей в семье (*père, mere, fils* – сын, *fille* – дочь/девушка, *femme* – жена/женщина, *enfant* – ребёнок, *parent* – родитель);

2) существительные рода деятельности (*ouvrier* – рабочий, *pêcheur* – рыбак, *artisan* – ремесленник) или статуса (*monsieur* – господин, *chef* – начальник, *maître* – наставник/хозяин, *ami* – друг, *citoyen* – гражданин);

3) синонимы слова «работа» (*labeur* – тяжёлый труд, *travail* – работа, *affaire* – дело);

4) синонимы слова «дом» (*maison* – дом, *logement* – жилище/жилое помещение, *demeure* – жилище, *château* – замок, *ménage* – хозяйство), помещения дома (*chambre* – комната, *salon* – гостиная, *mansarde* – мансарда/чердак) или предметы домашней обстановки (*lit* – кровать, *meuble* – мебель, *tableau* – картина);

5) существительные, связанные со временем или с каким-либо временным периодом (*temps* – время, *moment* – момент, *soir* – вечер, *ans* – годы);

6) негативные оценочные существительные (*avare* – скупец/скряга, *opiniâtre* – упрямец);

7) существительные обозначающие абстрактные качества (*honnête* – честность, *respect* – уважение, *naïveté* – наивность/легковерие, *amitié* – дружба, *fortune* – удача, *bonté* – доброта) или чувства (*pitié désespoir* – жалость/сострадание, *stupéur* – ступор/оцепенение, *aversion* – отвращение, *reconnaissance* – признание/благодарность, *faim* – голод, *désespoir* – отчаяние/безысходность, *honte* – стыд);

8) некоторые пары слов, которые можно связать логически (*existence* и *vie* – существование и жизнь, *yeux* и *regard* – глаза и взгляд, *établissement* и *formation* – учреждение и образование, *rapport* и *cause* – связь, *prison* и *droit* – тюрьма и право, *main* и *soutien* – рука помощи).

В предыдущем параграфе мы описали результаты поиска номинаций в корпусе и сделали вывод, что некоторые из них (например, *toit* и *foyer* принадлежащих к группе номинаций сферы-источника MAISON – FAMILLE) выражают метафоры как в медиатекстах, так и в классических произведениях. Однако сейчас можно видеть, что ни одна из этих номинаций не числится в списке частотных лексем составляющих контекст *famille*.

Далее рассмотрим группу частотных прилагательных. Наибольшее количество соответствий принадлежит лексемам *petit* (10), *malheureuse* (10) и *pauvre* (7). Остальные прилагательные можно охарактеризовать следующим образом:

1) прилагательные, которые в целом часто используются и выражают общие характеристики (*petite* – маленькая, *grande* – большая, *nombreuse* – многочисленная, *jeune* – молодая, *vieux, ancien* – старый);

2) прилагательные, описывающие счастье (*heureux* – счастливый, *joyeux* – весёлый) или несчастье (*triste* – грустный, *miserable, pauvre* – бедный, *malheureuse* – несчастная);

3) прилагательные с положительной коннотацией (*vrai* – настоящий, *salutaire* – благотворный, *agréable* – приятный, *probe* – порядочный, *bonne* – хорошая, *noble* – благородный, *excellente* – превосходная, *douce* – нежная);

4) прилагательное *domestique*, которое является частотным компонентом коллокаций с лексемой *famille* и номинациями из предыдущего параграфа, и также другие прилагательные (Приложение Б).

Причастия числятся в списке частотности ещё меньшим количеством, чем прилагательные – всего 14 лексем, каждая из которых представлена в корпусе по 2 раза. Главным образом, найденные лексемы характеризуются как:

1) причастия, связанные с управлением (*élevée* – вышестоящий) и подчинением (*forcé* – вынужденная, *obligé* – обязанный);

2) причастия, используемые в контексте «создания» и «разрушения» каких-либо связей (*constituée* – созданная, *réunie* – объединенная, *ruinée* – разрушенная, *arrachée* – прерванный, *rompus* – разорванные);

3) причастия, используемые в контексте негативных эмоций/чувств (*accablée* – огорченная, *désolée* – опечаленная, *désespérée* – разочарованная, *effrayé* – испуганный).

В данной группе мы можем видеть лексику *rompus*, которая составляет коллокацию *liens* («порванные связи», «прерванные отношения»), описанную нами в предыдущем параграфе.

Благодаря полученным результатам мы можем выделить некоторые характеристики, которыми писатели-классики описывали семьи в своих произведениях: обязательные атрибуты семьи (дом, члены семьи), положение семьи в обществе (работа, занятость, статус), семейное благополучие или несчастье, которые описывались с помощью абстрактных существительных чувств, прилагательных и причастий выражающих негативные или положительные эмоции.

Однако анализ контекста не помог нам выделить новые сферы-источники метафор или их номинации. Была найдена только одна частотная лексема составляющая контекст *famille*, которая переключается со сферой-источником – лексема *rompus*, которая употребляется в нескольких примерах предыдущего параграфа в сочетании с лексемой *liens* (сфера-источник FAMILLE – LIEN). Можно предположить, что классики использовали преимущественно развернутую метафору, которая была удалена от самой лексемы *famille*, ведь нами были найдены концептуальные метафоры семьи в процессе поиска метафорических номинаций (из первой части исследования на материале медиатекстов), однако эти номинации не имеют почти ничего общего с контекстом исследуемой лексемы.

Таким образом, заложенные в классических произведениях развернутые метафоры «гнезда», «семейного очага» и «семейного древа» со временем стали более сжатыми, лаконичными и удобными для употребления

в публицистических статьях, которые в свою очередь ограничены по объему. Автор статьи ограничен рамками в изложении своих рассуждений, поэтому он не может позволить себе существенных отступлений от темы (как в романах), но, при этом, ему нужно быть убедительным, использовать доступные для всех читателей лексические средства, вызывающие необходимые для понимания образы и ассоциации. Концептуальные метафоры идеально подходят для этой цели, поскольку их суть заключается не только в эмоциональности, но и в ценностном аспекте.

2.5 Признаки концепта FAMILLE на основе метафорического моделирования (на материале классической французской литературы)

В параграфе 2.2 были представлены признаки концепта FAMILLE, которые получены на основе метафорического моделирования. Материалом для данного анализа послужили медиатексты. В этом параграфе мы сопоставим вышеупомянутые результаты с результатами нашего исследования, описанного в параграфе 2.3, которое было выполнено на материале корпуса французских классических романов. Такое сравнение позволит выявить схожие и отличительные признаки концепта FAMILLE в разных временных эпохах (19 и 21 века).

Ранее были выделены следующие признаки концепта FAMILLE:

A. ядро концепта

1) место, где человек может найти защиту от невзгод (соответствует сфере-источнику MAISON);

2) место, где вырастают дети (соответствует сфере-источнику NID);

B. средний слой концепта

3) выполнение обязанностей (сфера-источник SYSTÈM – семья как самостоятельно функционирующая система);

4) подчинение закону (сфера источник ÉLÉMENT – семья как элемент общества);

С. периферия концепта

5) взаимосвязь и отношения (сфера-источник LIEN);

б) история (сфера-источник ARBRE – семейная история, генеалогия).

Во второй части исследования удалось найти метафоры, принадлежащие следующим сферам источникам:

а) MAISON (номинации *toit, foyer*),

б) NID (номинации *oiseau, nid*),

с) LIEN (*liens rompus, liens sociaux, lien de sang*),

д) ARBRE (номинации *branche, arbre, racines*).

Результаты первого и второго исследования были объединены в следующую таблицу (Рисунок 4):

в медиатекстах	метафора	в классической литературе	
+	MAISON	+	Ядро концепта
+	NID	+	
+	SYSTÈME	-	Средний слой
+	ÉLÉMENT	-	
+	LIEN	+	Периферия
+	ARBRE	+	

Рисунок 4. Сравнение признаков концепта FAMILLE

Учитывая, что каждая сфера-источник соответствует определенному концептуальному признаку и определенному слою концепта, мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, средний слой современного концепта FAMILLE, согласно нашему исследованию, в 19 веке не был сформирован, об этом

свидетельствует отсутствие в классической литературе концептуальных метафор со сферами источниками *SYSTÈME* и *ÉLÉMENT*.

Во-вторых, в девятнадцатом веке данные признаки не были сформированы (или ещё не были закреплены) в национальном сознании. Семья ассоциировалась в первую очередь с домом, была привязана к определенному месту (ядро концепта). Внутри семьи и между семьями существовали отношения, члены семьи относились с уважением к истории, уважали своих предков (периферия концепта). Однако упорядоченность и точность, присущие метафорам системы и элемента, не прослеживаются в классических произведениях, поэтому, предположительно, данные образы не имели ценности для французского общества данной эпохи.

После обращения к роману Виктора Гюго «Отверженные», который писал, что «основа всего – это равенство» (*l'égalité est la base*), становится очевидным, что французское общество в девятнадцатом веке менялось на фоне исторических событий, политических перемен. Периода второй половины XVIII–начала XIX вв. считается переходным в истории европейской цивилизации. Вероятно, средний слой признаков современного концепта *FAMILLE* развился уже после глобальных перемен произошедших во Франции в девятнадцатом веке. Также можно предположить, что метафоры семьи как элемента и семьи как системы пришли в публицистику не из классической литературы, а, например, из научных трудов, исследующих институт семьи.

Подводя итог, отмечаем, что основные признаки концепта *FAMILLE* закрепленные в национальной концептосфере в девятнадцатом веке, согласно нашему исследованию, сохраняются на момент начала двадцать первого века. В обе временные эпохи франкоязычное общество ассоциирует семью с определенным местом, где можно найти поддержку и защиту, где проходит детство детей, существуют внутренние и внешние отношения, чтится память и история предков.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. В результате лингвистического анализа и применения метода когнитивного моделирования выделены шесть групп метафор: FAMILLE – MAISON (26%), FAMILLE – ARBRE (13%), FAMILLE – NID (14%), FAMILLE – SYSTÈME (15%), FAMILLE – ÉLÉMENT (23%), FAMILLE – LIEN (9%).

2. Каждой метафоре соответствует один концептуальный признак, которых, следовательно, всего шесть. С опорой на данные признаки, были логически выделены три метафорические пары, каждая из которых составлена на основе общего параметра: параметр «место» (FAMILLE – MAISON и FAMILLE – NID), параметр «системность» (FAMILLE – ÉLÉMENT и FAMILLE – SYSTÈME), параметр «связь» (FAMILLE – LIEN и FAMILLE – ARBRE). На основе количественных данных составлена схема, отражающая структуру концепта FAMILLE. Таким образом, ядро концепта составляют признаки, актуализируемые метафорами «дома» и «гнезда», средний слой – признаки, актуализируемые метафорами «системы» и «элемента», периферия концепта – признаки, актуализируемые метафорами «связи» и «дерева».

3. Осуществлен поиск номинаций метафор в корпусе классической литературы. Исследован контекст найденных в новом материале номинаций. Метафоры групп MAISON, ARBRE, NID, LIEN нашли отражение в классической литературе. Метафоры семьи как «системы» и семьи как «элемента» не были найдены в корпусе.

4. Коллокационный анализ лексики *famille* на материале корпуса не обнаружил новых номинаций метафор.

5. Сопоставление концептуальных семьи, актуализируемых метафорами в дискурсе массмедиа и в дискурсе классической литературы, позволил выявить главное различие в структурах концептов – отсутствие в дискурсе классической художественной литературы среднего слоя,

закрепленного за метафорами групп *SYSTÈM* и *ÉLÉMENT*, что говорит о несформированности данных образов в коллективном сознании французов в XIX-начале XX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В теоретической части работы мы выяснили, что метафора играет роль средства организации концептуальных структур, как форма, способная задавать определённые представления о мире. Концептуальная метафора – механизм, устанавливающий связи между концептами, относящимися к разным областям знания.

Метафора многофункциональна в своём употреблении: в политическом дискурсе она используется как средство эмоционального влияния на аудиторию, но не стоит забывать о том, что метафора является своеобразным зеркалом для отражения культурных событий. Таким образом, и экономический кризис, и природный катаклизм найдут отражение в языке какой-либо статьи в виде новых концептуальных метафор.

Чтобы отследить эволюцию концепта СЕМЬЯ во французском обществе, было решено сравнить концептуальные метафоры, найденные в современных медиатекстах (в жанре статьи), с концептуальными метафорами, найденными в классической французской литературе, которая была написана в период с XIX–начале XX вв. (в жанре романа). Поиск метафор в первой части исследования осуществлялся вручную. Для поиска метафор в классической литературе был создан корпус.

Далее, найденные в вышеописанных исследованиях сферы-источники метафор (за каждой из которых зафиксирован определенный концептуальный признак) были сопоставлены. Различия между ними позволили выявить слои концепта FAMILLE, которые не были зафиксированы в национальной концептосфере в XIX веке.

Таким образом, был сделан вывод, что образы семьи как «элемента» и семьи как «системы» не имели ценности для французского общества эпохи XIX–начале XX вв.. Данные ассоциации могли развиваться позже либо прийти в дискурс масмедиа из других литературных направлений.

Образ дома в обе временные эпохи оставался центральным для французов. Дом связан с концептуальным признаком защиты – как от непогоды, непрошенных гостей, так и от проблем и беспокойства. Другому концептуальному признаку СЕМЬИ, профилирующему идею о месте, соответствует метафора «гнезда», где растут и получают воспитание дети. Ещё два концептуальных признака, находящих отражение и в дискурсе массмедиа, и в дискурсе классической литературы, это связь, означающая отношения внутри и вне семьи, и генеалогия семьи, заключающаяся в приемственности поколений и семейной истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алямкина А.С. Когнитивное исследование морфологической метафоры в англоязычном экономическом дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Языкознание. 2010. Вып. 2. Т. 16. С. 66–69.
2. Андерсон Р.Д. Каузальная сила политической метафоры // Зарубежная политическая метафорология / под ред. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Урал. гос. пед. ун-т. Екб, 2008. С. 67–84.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 5–31.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М.: УРСС Едиториал, 2004. С. 7–21.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. Вып. 1. С. 18–36.
7. Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Вып. 3. С. 24–27.
8. Борисова Е.Г. Что такое коллокации и как их изучать. М., 1995. 49 с.
9. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008. 352 с.
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М., 1999. 293 с.
11. Воякина Е.Ю. Особенности ономастической метафоры экономического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 39. С. 35–39.

12. Горина О.Г. Применение методов корпусной лингвистики для определения контекстно-специфических слов и коллокаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Языкознание. 2011. С. 27–36.
13. Дехнич О.В. Антропоцентрический характер метафорических репрезентаций (на примере метафоры дерева) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. Вып. 2. С. 39–43.
14. Друлак П. Метафора как мост между рациональным и художественным // Зарубежная политическая метафорология / под. ред. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Урал. гос. пед. ун-т. Екб, 2008. С. 200–214.
15. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: СПбГУ, 2013. 148 с.
16. Заячковская О.О. Концептуальный анализ семантики эмоционального лексикона [Электронный ресурс] // Языки славянской культуры, 2014. С. 237–261. URL: <https://goo.gl/HBvZWW> (дата обращения: 07.09.17).
17. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. Екб, 2007. Вып. 23. С. 134–138.
18. Иванова Е.В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. 13. С. 32–36.
19. Иванова Е.В. Когнитивное моделирование образа природы в медийном экологическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 41. С. 65–72.
20. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

22. Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. 206 с.
23. Кузнецова Ю.Л., Велейшикова Т.В. Современные корпусные исследования языка: новые подходы // Вопросы языкознания. Серия: Критика и библиография. 2010. Вып. 6. С. 108–124.
24. Кульчицкая Л.В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 11. С. 85–89.
25. Ларина М.Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR): автореф. дис. канд. филол. наук. КемГУ, 2011. 19 с.
26. Любимова О.Ю. Применение когнитивного подхода к пониманию метафоры (на примере выражения концепта «злость») // Вестник МГЛУ. Серия: Языкознание. 2007. Вып. 519. С. 93–107.
27. Маккормак Э. Метафора // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 363–381.
28. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Academia, 2001. 208 с.
29. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. Вып. 1. С. 53–64.
30. Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. С. 67–71.
31. Познякова Е.М., Суворина Е.В. Исследование структуры ментального лексикона: вклад компьютерной комплексной лингвистики. [Электронный ресурс] // Языки славянской культуры, 2014. С. 179–236. URL: <https://goo.gl/4ue65m> (дата обращения: 08.09.17).
32. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.

33. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука, 1988. 244 с.
34. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
35. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007. 248 с.
36. Стернин И.А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта? // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 2000. С.13–17.
37. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
38. Типиева К.Р. Метафорическая модель «Экономический кризис – это война» в англоязычном Экономическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 82. С. 161–164.
39. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екб, 2001. 238 с.
40. Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация: информационные процессы и системы: сб. науч. тр. Вып. 6. М., 2010. 18 с.
41. Fauconnier G. Mappings in Language and Thought. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 1997. 220 p.
42. Finegan E. LANGUAGE: its structure and use. N.Y.: Harcourt Brace College Publishers, 2004. 611 p.
43. Labbe C., Labbe D. How to measure the meanings of words? Amour in Corneille's work [Электронный ресурс] // Université Grenoble, 2006. P. 335–351. URL: <https://goo.gl/jdWa58> (дата обращения: 11.09.17).
44. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 267 p.

45. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 245 p.
46. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2004. 276 p.
47. McEnery T., Wilson A. Corpus linguistics. 2nd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 235 p.
48. McEnery T., Hardi A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 312 p.
49. Newman J. Corpora and Cognitive Linguistics [Электронный ресурс] // RBLA, 2011. P. 521-559. URL: <https://goo.gl/qLM4rp> (дата обращения: 11.09.17).
50. O’Keeffe A., McCarthy M., Carter R. From Corpus to Classroom. Language use and language teaching. Cambridge University Press. 2007. 315 p.
51. Scott M. Wordsmith Tools: Software. Oxford: Oxford University Press, 2012. 338 p.
52. Stefanowitsch A., Gries S.Th. Collocations: investigating the interaction between words and constructions [Электронный ресурс] // International journal of corpus linguistics, 2003. P. 209-243. URL: <https://goo.gl/qq4trR> (дата обращения: 11.09.17).
53. Stefanowitsch A. HAPPINESS in English and German: A metaphorical-pattern analysis [Электронный ресурс] // Language, Culture, and Mind, 2004. P. 137-149. URL: <https://goo.gl/1zPTgc> (дата обращения: 11.09.17).
54. Stefanowitsch A., Gries S.Th. Covarying collexemes [Электронный ресурс] // Corpus linguistics and linguistic theory, 2005. P. 1-43. URL: <https://goo.gl/1JjKFc> (дата обращения: 11.09.17).
55. Stefanowitsch A. Words and their metaphors: A corpus-based approach. Corpus-based approaches to metaphor and metonymy. 2006. P. 63–105.
56. Stefanowitsch A. Cognitive Linguistics as a Cognitive Science [Электронный ресурс] // Marburg, 2009. P. 1-9. URL: <https://goo.gl/kxWRhG> (дата обращения: 11.09.17).

57. Stefanowitsch A. Cognitive Linguistics meets the corpus // Cognitive Linguistics Convergence and Expansion / Edited by Mario Brdar M., Gries S. Th., Zic Fuchs M. 2011. P. 257–290.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Le mariage, socle de la société ? [Электронный ресурс] // Le Point Culture, 2013. URL: <https://goo.gl/FS6WxG> (дата обращения: 21.03.17).
2. Laham: la famille est le pilier de la société [Электронный ресурс] // NNA, 2014. URL: <https://goo.gl/kNm7Jr> (дата обращения: 21.04.18).
3. Les communications de l'intimité [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2003. URL: <https://goo.gl/oTcN2X> (дата обращения: 22.03.17).
4. Quand les secrets de la famille font mal [Электронный ресурс] // Le Figaro Madame, 2013. URL: <https://goo.gl/bscDQM> (дата обращения: 20.03.17).
5. De bons pères [Электронный ресурс] // Le Monde Sciences, 2015. URL: <https://goo.gl/vFDj5s> (дата обращения: 24.03.17).
6. Touchés par la crise, les jeunes diplômés peinent à « quitter le nid » [Электронный ресурс] // Le Monde Emploi, 2014. URL: <https://goo.gl/FCRTRZ> (дата обращения: 24.03.17).
7. Fabrice Hadjadj : la famille au risque de la technologie et du consumérisme [Электронный ресурс] // Le Figaro, 2015. URL: <https://goo.gl/qбсSNe> (дата обращения: 24.03.17).
8. Éden Utopie : une famille du XXIe siècle [Электронный ресурс] // Le Figaro Culture, 2015. URL: <https://goo.gl/ceK2fG> (дата обращения: 19.03.17).
9. Un ministère de la Famille, de l'Enfance et des Droits des femmes : une incohérence? [Электронный ресурс] // LeFigaro Madame, 2016. URL: <https://goo.gl/r9cjKX> (дата обращения: 27.03.17).
10. Les révolutions arabes. Entretien avec Hamit Bozarslan [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2011. URL: <https://goo.gl/j3XZpN> (дата обращения: 27.03.17).
11. La grande révolution des familles [Электронный ресурс] // Le Figaro Madame, 2007. URL: <https://goo.gl/tXhe4M> (дата обращения: 24.03.17).

12. Fabrice Hadjadj : la famille au risque de la technologie et du consumérisme [Электронный ресурс] // Le Figaro Vox, 2015. URL: <https://goo.gl/4XD7um> (дата обращения: 24.03.17).
13. Identité. Des conflits identitaires à la recherche de soi [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2001. URL: <https://goo.gl/KGDNFd> (дата обращения: 28.03.17).
14. Comment s'organiser pour conserver une maison de famille ? [Электронный ресурс] // Le Figaro Immobilier, 2016. URL: <https://goo.gl/s6gGac> (дата обращения: 28.03.17).
15. Parenté : liens de sang et liens de coeur [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2002. URL: <https://goo.gl/zyiKHc> (дата обращения: 28.03.17).
16. La parenté en question [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2003. URL: <https://goo.gl/NVJPbL> (дата обращения: 21.03.17).
17. Avons-nous tous quelque chose à pardonner à nos parents ? [Электронный ресурс] // Le Figaro Madame, 2017. URL: <https://goo.gl/HiZhiq> (дата обращения: 23.03.17).
18. Du «nid familial» à l'autonomie adulte [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2008. URL: <https://goo.gl/fVZ4aN> (дата обращения: 10.03.18).
19. Parcours de réussite en milieu populaire [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2011. URL: <https://goo.gl/NePRdE> (дата обращения: 12.03.18).
20. La famille : noyau d'apprentissage de la démocratie ? [Электронный ресурс] // Café Citoyen, 2003. URL: <https://goo.gl/39QMfk> (дата обращения: 11.03.18).
21. La famille : noyau d'apprentissage de la démocratie ? [Электронный ресурс] // Café Citoyen, 2003. URL: <https://goo.gl/tCgvVv> (дата обращения: 11.03.18).

22. L'état de la famille en Europe [Электронный ресурс] // Sciences Humaines, 2003. URL: <https://goo.gl/hGTBzw> (дата обращения: 15.03.18).
23. Fabrice Hadjadj : la famille au risque de la technologie et du consumérisme [Электронный ресурс] // Le Figaro, 2015. URL: <https://goo.gl/JPEQjB> (дата обращения: 09.03.18).
24. Politique familiale : François Hollande veut convaincre [Электронный ресурс] // Le Figaro, 2016. URL: <https://goo.gl/XfDkeh> (дата обращения: 09.03.18).
25. Fabrice Hadjadj : la famille au risque de la technologie et du consumérisme [Электронный ресурс] // Le Figaro, 2015. URL: <https://goo.gl/VZzzjs> (дата обращения: 09.03.18).
26. Fabrice Hadjadj : la famille au risque de la technologie et du consumérisme [Электронный ресурс] // Le Figaro, 2015. URL: <https://goo.gl/Xz1tnf> (дата обращения: 09.03.18).
27. Fabrice Hadjadj : la famille au risque de la technologie et du consumérisme [Электронный ресурс] // Le Figaro, 2015. URL: <https://goo.gl/yu5Lbi> (дата обращения: 09.03.18).
28. Comment s'organiser pour conserver une maison de famille ? [Электронный ресурс] // Le Figaro, 2016. URL: <https://goo.gl/koUKu5> (дата обращения: 16.03.18).
29. Dumas A. Les Trois Mousquetaires [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1844. URL: <https://goo.gl/HPi5Mj> (дата обращения: 10.05.18).
30. Flaubert G. Madame Bovary [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1856. URL: <https://goo.gl/d4GPdE> (дата обращения: 10.05.18).
31. Hugo V. Les Misérables. Tome I: Fantine [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1862. URL: <https://goo.gl/i57r9D> (дата обращения: 10.05.18).

32. Hugo V. Les Misérables. Tome II : Cosette [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1862. URL: <https://goo.gl/uNx2Vb> (дата обращения: 10.05.18).
33. Hugo V. Les Misérables. Tome III : Marius [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1862. URL: <https://goo.gl/kGDzAD> (дата обращения: 10.05.18).
34. Hugo V. Les Misérables. Tome IV : L'idylle rue Plumet et l'épopée rue Saint-Denis [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1862. URL: <https://goo.gl/i6pWuJ> (дата обращения: 10.05.18).
35. Hugo V. Les Misérables. Tome V : Jean Valjean [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1862. URL: <https://goo.gl/6MjWfp> (дата обращения: 10.05.18).
36. Maupassant G. Mont-Oriol [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1887. URL: <https://goo.gl/HcVugs> (дата обращения: 10.05.18).
37. Maupassant G. Une vie [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1883. URL: <https://goo.gl/AGSBwQ> (дата обращения: 10.05.18).
38. Sue E. Les mystères de Paris [Электронный ресурс] // La Bibliothèque électronique du Québec, 1843. URL: <https://goo.gl/U67Ug2> (дата обращения: 10.05.18).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица коллокаций с номинациями метафор

НОМИНАЦИЯ	наиболее частотные коллокации		
1 654 275 слов			
MAISON			
	прилагательное	причастие	существительное
maison (1039)	nouvelle, petite, vide, grande, roulante, paternelle, vermoulue, voyageuse, nue, religieuses, morne, anciennes, pénible, tranquille, humble, humide, voisine, hautes, droite, seule, long, belle, miserable, blanche, connue, triste	déracinée souillé éclairées penché abandonnée fermée rangées bâtie	habitation, direction, hantise, chaîne, bâtard, famille, fond, cabaret, jardin, porte, étages, barricade, boulevard, angle, arbres, murs, hiver, fenêtres, numéro, toit, gens, hospital, construction, coin, champagne, rue, locataire, portier, numéro, rez-de-chaussée, maître, apparence, terrasse, qualité, demolition, feu
socle (3)	oriental	surmonté élevé	jaspe pendule
base (18)	anglais nécessaire grand subversives indécise élargie scientifique pâle	ébranlé destinée	union, virilité, cervelle, enfers, citoyens, future, mât, caractéristique, unite, crane, égalité, destin, trône, lion, sommet, halles, carré, science, politique, ciel, absence, murs, cris, vérité, société, jardins, jugement, chimie, institutions
fondement (1)			
pierre (343)	nue, grises trébuchant, vieux grosse, froide fausses, précieuses branlantes, moussues vraies	bâties rempli tombées brisée	amas,, chaos, ruisseau, ravin, sol, source, château, chamber, route, banc, tas, plafond, mur, taille, coups, boîte, date, arbre, croix, genoux, lieu, cœur, terre, porte, fines, margelle, cicatrices, fournaise, bassin
pilier (19)	derrière, grandes petit	défendus cheminée	brique, barrier, famille, filets bourg, grosseur, jour
murs (138)	austere vieux grands long blancs hauts	glissé réparés pénétrés retapissées	cave, tapisserie, bruits, point guerre, escalier, plafond, chaux pierre, inscriptions, linceuls lézardes, jardins, horizon bouquets, boulevard, carreau

			fenêtres, cour, porte
clé (0)	-	-	-
bastion (1)			
rampart (5)	vieux, derrière haut	barrée	barricade, cabaret digues, murs
toit (138)	conjugal aigus vieille haut long voisin même bas	penché placée brisé plafonné	graces, crête, grêle, roche carreau, ciel, château, mains home, fille, mere, tête, côté mur, maison, cheminée, arbres grenier, rez-de-chaussée fenêtres, cloture, bâtisse mansards, chaume, tuiles edifice, pluie, nid, palier angle, paille, forme, porte
foyer (45)	mesquins simples grands lumineux lamentable libéraux domestique tutélaire	placé	cendres, bûches, siens événements, fond, monde ténèbres, âmes, réchaud domestiques, dépravation inviolabilité, prédilection froidure, lueurs, coin
cercle (49)			
NID			
nid (46)	charmant, amoureux jaunes, verte, pleins pareils, pauvres bonne	-	roseaux, hirondelles, toits, sable têtes, oiseaux, arbres
oiseau (187)	cornus petits immobiles agile joyeux légère	égayée	emigrants, chants, chêne proie, mouron, aile, duvet serpent, nourriture, mousse fil, feuilles, ciel, chien
ARBRE			
arbre (293)	nus, généalogies bleu, rouges verts, gros hauts, grands énormes, massifs	attachés, planté baigné, poussé coupés, dépouillés poudrés, renversé espacés	feu, ferme, soleil, jardin printemps, champs, cour campagnes, fruits, branche lignes, ciel, chemin, bord vent, herbe, milieu, village bouquets, feuilles, clochers creux, acacias, tronc
branche (127)	basses, nus maigres, grosse morte, grands noires	coupée noyé	sapins, morceau arbre, feuilles bruit, chiens peupliers, buis
raciness (15)	jeunes	-	plantes , souvenirs
ELEMENT			
element (39)	moral	-	mélange, principes, progrès
composante (0)	-	-	-
constituent (2)			
cellule (32)			
noyau (3)			
unite (12)			

maillon (0)	-	-	-
role (49)	humble, ridicule mauvais, bonne important, ordinaire	-	enfant, esprit, gout, acteur individu, famille, figure, mère
cadre (19)			
SYSTEME			
entreprise (0)	-	-	-
institution (9)			
système (32)	nerveux, pareil	-	-
structure (1)			
fraternité (20)			
schema (0)	-	-	-
association (18)	continuel, propre	soutenu	reconnaissance, commerce, joie
LIEN			
lien (37)	indissolubles, pareille	crus, abandonnée sacrés	union

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица коллокаций лексемы famille

существительное				
№	лексема	частотность	перевод	коннотация
	père	25	отец, папа	н
	mère	12	мать, мама	н
	honnête	11	честность	+
	nom	9	имя	н
	maison	8	дом	н
	chambre	7	комната	н
	fil	6	сын	н
	femme	6	женщина, жена	н
	salon	5	гостиная	н
	monsieur	5	господин	н
	coup	5	удар	-
	pêcheur	4	рыбак	н
	chef	4	босс	н
	maître	4	хозяин, наставник	н
	tableau	4	картина	н
	maladie	4	болезнь	-
	vie	4	жизнь	н
	yeux	4	глаза	н
	respect	3	уважение	+
	ami	3	друг	+
	enfant	3	ребёнок	н
	point	3	точка	н
	ouvrier	3	работник	
	pitié	3	жалость, сострадание	+ / -
	moment	3	момент	н
	citoyen	2	гражданин	н
	avare	2	скупец, скряга	-
	labeur	2	тяжелый труд	-
	artisan	2	ремесленник	н
	opiniâtre	2	упрямец	-
	soutien	2	поддержка	+
	naïveté	2	наивность, легковерие	-
	lit	2	кровать	н
	stupeur	2	ступор, оцепенение	-
	meuble	2	мебель	н
	logement	2	квартира, жилище	н
	établissement	2	учреждение	н
	aversion	2	отвращение	-
	ressource	2	ресурс	н
	rapport	2	связь	н
	créature	2	создание, существо	н
	mansarde	2	мансарда, чердак	н
	parent	2	родитель	н
	demeure	2	жилище, дом	н

	ménage	2	хозяйство	н
	reconnaissance	2	признание, благодарность	+
	faim	2	голод	-
	désespoir	2	разочарование	-
	bonté	2	доброта	+
	affaire	2	дело	н
	existence	2	существование	+ /-
	travail	2	работа	н
	fortune	2	удача	+
	prison	2	тюрьма	-
	cause	2	причина	н
	regard	2	взгляд	н
	mots	2	слова	н
	soir	2	вечер	н
	formation	2	воспитание	н
	temps	2	время	н
	main	2	рука	н
	fille	2	дочь, девушка	н
	ans	2	годы	н
	droit	2	право	н
	pays	2	страна	н
	château	2	замок	н
	questions	2	вопросы	н
	honte	2	стыд	-
	amitié	2	дружелюбие	+
прилагательное				
	petit	10	маленький	н
	malheureuse	10	несчастливая	-
	pauvres	7	бедные	-
	jeune	6	молодой	н
	grande	6	большая	н
	noble	6	благородная	+
	excellente	4	прекрасная	+
	douce	4	нежная	+
	nombreuse	4	многочисленная	н
	domestique	4	домашний	н
	joyeux	4	веселый	+
	bonne	4	хорошая	+
	misérable	3	несчастливая, бедная	-
	indispensable	3	незаменимая	н
	propre	3	собственная	н
	probe	2	честный, порядочный	+
	naturelle	2	натуральная, естественная	н
	salutaire	2	спасительный, целительный	+
	agréable	2	приятный, милый	+
	ancien	2	старый	н
	nécessaire	2	необходимая	н

	étrange	2	странный, чужой	-
	triste	2	грустная	-
	fort	2	сильный	н
	consolante	2	утешительный	н
	vrai	2	настоящий	+
	vieux	2	старый	н
	heureux	2	счастливый	+
	connu	2	известный	н
причастие				
1	constitué	2	созданная	н
2	réunie	2	объединенная	н
3	ruinée	2	разрушенная	-
4	invité	2	приглашенная	н
5	forcé	3	вынужденная	н
6	accablé	2	огорченная, обремененная	-
7	rompus	2	разорванные	-
8	arrachée	2	вырванный, прерванный	-
9	désolée	2	опечаленная	-
10	désespérée	2	разочарованная	-
11	effrayé	2	испуганный	-
12	élevée	2	высокий, возвышенный, вышестоящий	н
13	obligé	2	обязанный	н
14	oublié	2	забытый	н

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
А.В. Колмогорова
« 25 » июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КЛАССИЧЕСКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-НАЧАЛА XX В. И
МЕДИАТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI В.**

Выпускник

Н.И. Анисимова

Научный руководитель

д-р филол. наук,
зав. каф. РЯиПЛ ИФИЯК СФУ
проф. А.В. Колмогорова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2018